

Ольга Тарасевич
Сокровище князей Радзивиллов
Серия «Артефакт-детектив»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=426192
Сокровище князей Радзивиллов: Эксмо; М.; 2010
ISBN 978-5-699-44452-6

Аннотация

Их было двенадцать – золотых апостолов, в человеческий рост, инкрустированных драгоценными камнями. Они считались украшением сокровищницы княжеского рода Радзивиллов. Драгоценные статуи исчезли в период Наполеоновского похода на Россию. И вот спустя столетия появляется информация о том, что клад обнаружен... Писательница и журналистка Лика Вронская приезжает в провинциальный городок, где якобы нашли сокровища. И выясняет: в Несвиже происходят жестокие убийства. Преступник расправляется с молодыми мужчинами и покрывает их тела золотой краской. Он явно использует старинную легенду. Но с какими целями?..

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	17
Глава 3	30
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Ольга Тарасевич

Сокровище князей Радзивиллов

Все события и герои вымышлены автором. Все совпадения случайны и непреднамеренны.

Автор благодарит Юлию Дэраш и Андрея Куваева за помощь в работе над этим романом.

Пролог

Я смотрю через окно пиццерии «Темпо» на чистый до стерильности проспект Независимости, на несущиеся по нему умытые машины. Дворники в ярких оранжевых жилетках, явно мучаясь с бодунища, слоняются по тротуарам взад-вперед, выискивая микроскопические соринки. Однако очень редко звякают, прижимаясь к асфальту, их металлические совки и шуршит метла. Неудивительно, работы-то нет! Мне всегда казалось, что количество дворников в центре Минска значительно превышает объем мусора. Но соответствует ли эта внешняя любовь к порядку истинной сущности наших людей? Я не знаю. Моя квартира раньше была неподалеку, в двух шагах от пиццерии «Темпо», где я пью по утрам кофе. С завидной регулярностью из окон, выходивших во двор проспекта Независимости, можно было увидеть одну и ту же картину: опорожняющих мочевого пузыря людей. Вот это обратная сторона тех же вычищенных белорусских улиц. Хотя, может быть, я слишком придираюсь? Возможно. Перфекционизм у меня действительно в крови. Я требую от жизни по максимуму. От себя, впрочем, тоже, и в этом проблема...

Дворнику за окнами пиццерии совсем худо, его серое испитое лицо отражает все муки абстинентного синдрома.

Вы посмотрите, что он делает?! Сам бросил окурков на землю, потом громыхнул совком и с важным видом занятого человека заковылял к урне!

Меня начинает трясти от бессильной ярости.

Я в который раз думаю о том, что за истощенной лихорадочной белорусской чистотой на самом деле скрывается что-то нездоровое, болезненное, тягучее.

Болото? Да, наверное, именно так, замаскированное, тщательно спрятанное болото. Эта грязь настолько удручает, что невольно прилагаются огромные усилия сделать вид, что и нет никакой грязи, что все вокруг сияет чистотой. Кстати, когда-то мне доводилось читать о том, что сущность нации определяется названиями классических произведений. В России у нас что имеется? «Война и мир», «Преступление и наказание», «Что делать?»¹. Названия концептуальные, причинно-следственные, ищущие. Что предлагает белорусская литература? «Дрыгва», «Людзі на балоце», «Тутэйшыя»². Не надо быть великим аналитиком от лексики и семантики, чтобы понять: это принципиально другой уровень – описательный, констатирующий. Никаких конфликтов, размышлений с отчаянным, до изнеможения, напряжением мысли. Просто мы тихо сидим в нашем тихом болотце и пишем об этом свои более чем посредственные книжечки...

Говорят, такая пассивность (белорусы, впрочем, придумали другое словечко – «памяркоунасць»), я затрудняюсь с дословным переводом – может, лояльность, терпимость? Вообще

¹ Романы Л. Толстого, Ф. Достоевского, Н. Чернышевского.

² «Трысіна», повесть Я. Коласа; «Людзі на балоце», роман И. Мележа; «Местные», пьеса Я. Купалы.

в белорусском языке полно слов и выражений, точно перевести которые достаточно сложно) обусловлена тяжелым историческим прошлым. Перекресток Европы, пятачок между Востоком и Западом, войны выжигали эти места дотла, и со временем у здешних людей на генетическом уровне сформировался рефлекс: сидеть в своей хате тихо, не высовываться и не нарываться. Наверное, в такой позиции есть не только плохое. Белорусам в конфессиональном плане много веков назад удалось то, чего православные и католики не могут достичь и по сей день. Они объединили обе ветви христианства! Да, именно так. Господствовавшее в этих местах униатство – и есть тот самый синтез; его обряды и традиции вобрали в себя и католицизм, и православие. Особенно ярко и необычно это проявляется в иконописи. Что, думаете, невозможно соединить восточную роскошь с западным аскетизмом? Тем не менее униатские иконы именно такие! Должно быть, древним белорусам надоело менять православных святых на католических, а потом наоборот, и они придумали вариант, устраивающий и поляков, и русских, перманентно сражающихся за право считать клочок белорусской земли своей вотчиной.

Я понимаю, что предкам пришлось несладко. Но я не могу понять, почему наши ближайшие соседи, поляки и литовцы, формировавшиеся в аналогичных исторических условиях, все-таки смогли стать более сильными и энергичными, чем белорусы; у них нет подсознательно въевшегося в генетическую память страха, чувства ущербности.

Впрочем, наверное, в Беларуси все-таки хорошо рождаться. Невероятная красота природы, спокойные люди, давно существующие условия для массового получения качественного начального образования. Здесь есть все для того, чтобы пробудить в человеке талант, не загубить первый нежный росток его. Известных белорусов можно перечислять долго. Живопись Марка Шагала восхищает весь мир, компания «Metro-Goldwyn-Mayer» до сих пор исправно штампует голливудскую кинопродукцию³, множество политиков постсоветского пространства имеет белорусские корни. В Москве уже, куда ни ткни пальцем, попадешь в белоруса, будь то журналист, эстрадный певец или топ-менеджер нефтяной компании. В Москве... Улавливаете нюанс? В Беларуси хорошо рождаться. Но потом из этих мест надо срочно уезжать. Я не знаю, сколько андреев громыко⁴ вынуждено было реализовывать свои управленческие таланты только на колхозных полях; сколько ален свиридовых⁵ осталось серыми мышками, преподающими в музыкальных школах. Здесь можно сносно, удобно и комфортно жить «как все». И здесь же моментально вырастают непробиваемые стены всеобщего осуждения и непонимания на пути тех, кто хоть немного от всех отличается. Разбив лбы об эти стены, талантливые люди вынуждены уезжать; тут слишком мало места для самореализации; в этих краях хорошо стареть, но не взрослеть. Москва, Париж или Нью-Йорк становятся со временем подиумами, по которым белорусский талант дефилирует, демонстрируя все свои сияющие грани. А Минск... Этот город, наверное, навсегда останется только декорацией для каждого второго российского телесериала.

Ну вот, мой кофе выпит, счет оплачен, можно подниматься с удобного кожаного диванчика и выходить на улицу, в распускающуюся солнечную весну.

Но мне сложно оторвать взгляд от знакомого пейзажа. Он изучен до мелочей; мне кажется, я знаю каждый камень, всякое аккуратно постриженное чахлое дерево и все эти «сталинки», которые после войны строили в Минске пленные немцы.

Я знаю все части этого пазла и все равно им люблюсь, и все равно он мне нравится.

³ Основателем известной кинокомпании MGM, своеобразной визитной карточкой которой стал рычащий лев, был эмигрант из Минска Луис Барт Майер, урожденный Элизер (Лазарь) Майр.

⁴ Андрей Громыко – министр иностранных дел СССР, председатель президиума ВС СССР.

⁵ Алена Свиридова – популярная певица.

Несмотря на нелепые особенности родной страны и родного города, я люблю эти места и не вижу себя в другой обстановке.

И вот в этом вся проблема...

Мой город подарил мне любовь. Но он не может рассказать, как сделать эту любовь счастливой. По своей печальной слабой сущности он просто этого не умеет.

Значит, придется действовать самостоятельно, брать то, что мне надо. Это будет связано с болью и горем. Но по-другому здесь нельзя, не получится. Впрочем, я очень надеюсь: начавшееся потом счастье окажется настолько ослепительным, что угрызения совести сразу же умолкнут. К тому же у меня просто нет возможности добиться необходимого иным способом...

Мой замысел прекрасен.

Предвкушаю, как все это будет выглядеть.

Сначала возникнет всплеск отчаянной радости. Золото, драгоценные камни, умиротворение лиц... Уникальные для Беларуси реликвии, апостолы из сокровищницы князей Радзивиллов, обнаружить которые не удавалось долгие годы – и вот они найдены! Невероятная удача, везение, настоящий выигрыш в историческую лотерею!

Вслед за радостью придет страх. Обычных людей всегда пугает смерть. Но не меня... Мое желание войти в смерть очень велико, потому что единственная моя жизненная ценность мне недоступна. Однако самоубийство – это не тот финал, который предназначен людям вроде меня. У меня совершенно другая миссия, по-своему возвышенная и благородная. Глупые обыватели, конечно, содрогнулись бы, узнав о моих планах. Но потому они и обыватели, что им не дано вырваться за рамки общепринятых правил.

Я не могу получить то, что мне надо больше всего на свете. Поэтому у меня остается один вариант – уничтожение, мучительное и болезненное....

Глава 1

Несвиж, 1795 год

— Ойча наш, які ёсць у небе! Свяціся Імя Тваё. Прыйдзі Валадарства Тваё. Будзь воля Твая як у небе, так і на зямлі. Хлеба нашага штодзённага дай нам сёння. І адпусці нам правінны нашы, як і мы адпускаем вінаватым нашым. І не ўводзь нас у спакусу, але збаў нас ад зла. Амен⁶.

Доминик молится шепотом, старается произносить слова как можно тише. Однако все равно под высокие своды костела взлетает громогласное:

— Амен... амен... амен...

От этого зловещего эха вдруг становится не по себе. И мысли приходят такие... совсем некстати это, конечно... только вот все равно почему-то вспоминается, что прямо под Фарным костелом находится семейный склеп, где покоятся гробы с телами Радзивиллов. По спине уже бегут мурашки; хоть и родные там лежат, родственники, предки, но все равно ведь мертвецы, страшно, жутко...

Конечно, можно было бы вознести молитву Господу там, где обычно, — в Несвижском замке устроена небольшая часовня. Именно там трижды в день, накануне каждой трапезы, собираются все-все: опекун князь Михаил, учителя во главе с самым любимым наставником, поэтом Франтишком Карпинским, а еще многочисленные родственники и гости. Но часовня совсем простенькая: пара образов на выбеленных стенах, родовая икона Радзивиллов, скамьи, распятие и статуя Девы Марии. Здесь, в костеле, все по-другому: красивее, торжественнее. Через витражи в базилику вливаются красные, синие и желтые реки света. Причудливые разноцветные потоки высвечивают то бледный лик Христа, в последний раз преломляющего хлеб со своими учениками, то чистый взгляд Матери Божьей, полный покорности и любви. Роспись на стенах костела сделана так ярко, живо и искусно! Совсем не похоже на тяжелые масляные семейные портреты в золоченых рамах, развешанные по залам замка; на тех полотнах Радзивиллы выглядят какими-то кукольными и надменными, а Христос, Дева Мария и святые, изображенные на храмовых фресках, кажутся живыми, настоящими. И пусть все это немного пугает — эхо молитвы, дрожащие раскатистые звуки органа, костельные холод и полумрак, пускай немного боязно, но ничего, придется справиться со страхом и робостью. Зато ведь совершенно точно понятно: горячие просьбы, вознесенные в Фарном костеле, Господь должен услышать обязательно. Очень надо, чтобы Бог их узнал и явил милость свою...

Быстро прочитав еще две канонические молитвы, «Радуйся, Мария, благодати полная» и «Символ веры», Доминик перекрестился, закрыл глаза и стал мысленно рассказывать Господу обо всех своих бедах.

Новый опекун⁷ куда строже прежнего. На двор гулять почти не пускает, едва только рассветет, еще даже до завтрака, требует отправляться в библиотеку, длинный такой покой, вдоль стен которого расставлены шкафы с книгами. Со шкафов сурово взирают мраморные философы, и от этой их требовательности, а еще от странного пола, выложенного мелкой черной и белой плиткой, сразу же начинается, как от глотка хмельного меда, кружиться голова. В библиотеке находиться совершенно не хочется, но нового опекуна это не волнует. «Ты —

⁶ Отче наш, сущий на небесах! Да святится Имя твое. Да придет Царствие Твое. Да будет воля Твоя как на небе, так и на земле. Хлеба нашего насущного дай нам сегодня. И отпусти нам грехи наши, как и мы отпускаем должникам нашим. И не введи нас в искушение, но избавь от лукавого. Аминь. — Текст католической молитвы (бел.).

⁷ Сначала опекуном наследника был композитор Матвей Радзивилл, однако за участие в восстании Тадеуша Костюшко он утратил право опеки, и опекуном стал воевода князь Михаил.

Радзивилл, Доминик Героним, придет время, и ты станешь во главе всей Несвижской ординации, поэтому тебе пристало быть мудрым, сведущим, начитанным», – говорит он, как всегда, поглаживая сизый от проклевывающейся щетины подбородок. И вот приходится с утра пораньше читать из философских книг. Глаза слипаются, и хорошо, ежели на французском попадается книга, а то ведь и латыни в библиотеке довольно имеется. Ничего он не понимает, этот новый опекун! Вон пан Коханку⁸ вообще читать научился только лет в десять. И не по азбуке, между прочим. Учитель ему буквы в виде мишеней делал, пан Коханку по ним палил, так и буквы запомнил. А по-другому обучаться грамоте отказывался, говорил, что скучно ему в книжку смотреть. И ничего, жизнь его хорошо сложилась, такое же достойное место среди Радзивиллов занял, как и те предки, что в школах и университетах учились; и с королем польским пан Коханку знался, и от Екатерины к нему посланники прибывали, и обоим он все перехитрить старался.

«Господи, я понимаю, что нового опекуна взять, наверное, просто неоткуда. Но, может, получится сделать нынешнего хотя бы чуточку добрее? Вот так, чтобы, по крайней мере на рассвете, он меня не заставлял учиться? Довольно было бы занятий от завтрака и до обеда, а утренних и вечерних уроков не надобно. Учитель со мной согласен, говорит, что для своих девяти лет я довольно много знаю, и из математики, и из истории», – думал Доминик, стараясь не обращать внимания на уже занывшие от долгого стояния перед распятием колени. Понятно, что ноги затекли. Штаны совсем тонкие и дурацкие, по старым модам, приходится носить: пышные шаровары синей парчи, в таких на коленях стоять – как и вовсе прямо на жестком дереве. Впрочем, что колени, когда еще о самом главном не сказано.

Надо потерпеть! Потерпеть, открыть душу Господу, умоляя о милости и снисхождении...

«Господи, Господи, за что столько боли посылаешь ты рабу своему Доминику? Мне приходится хуже, чем дворовому щенку, чем любому крестьянскому мальчишке. У тех ведь мать имеется близко. Кажется, все можно было бы отдать, лишь бы перекинуться словечком с матушкой! Только ее по-прежнему не пускают в Несвиж. – Мальчик всхлипнул, вытирая заструившиеся по щекам слезы. – Уж несколько лет минуло, как довелось видеть добрые глаза и ласковую улыбку ее. Несколько долгих лет! А опекун все еще непреклонен: раз матушка вышла замуж, то нет ей больше дороги в Несвиж»⁹.

Перед глазами Доминика возник испещренный чернильными строками белый лист бумаги, и отчаяние стиснуло горло.

«Получил письмо от княгини Турн-Таксис, которая вышла замуж за Казановского, грубого дурака польского, печально известного тем, что даже слова по-французски не может вымолвить. Я отказал ей в просьбе вернуть единственного сына, а также заметил, что считаю дальнейшее их общение не имеющим никакого смысла и практической пользы для мальчика», – написал недавно своей дочери князь Михаил. Написал, но отправить не успел, письмо так и осталось лежать на массивном резном столе в библиотеке. Любопытство оказалось сильнее хороших манер, а потом ледяное отчаяние больно ударило в сердце: опять не выйдет свидеться с мамочкой, опекун по-прежнему жестоко отказывает в такой малости...

«Господи, я понимаю: наверное, вряд ли меня отдадут моей матушке насовсем. И еще неизвестно, обрадовался бы ее новый муж такому событию. Но я очень соскучился по ней. Кажется, вот если только на минутку она меня обнимет своими нежными руками – и сразу сделается легче, и все потом можно будет вынести: и князя Михаила, и уроки эти нудней-

⁸ Кароль Станислав Радзивилл, дядя Доминика, – один из наиболее колоритных князей. Свое прозвище – пан Коханку – он получил, так как любил обращаться к своим собеседникам «коханы пан», «пане коханку», что можно перевести примерно как «любимый пан».

⁹ Мать Доминика, немецкая княжна София Турн-Таксис, судя по исторической литературе, обладала скорее не развитым материнским инстинктом, а повышенной любвеобильностью и не очень страдала в разлуке с сыном.

шие. Я многому научился уже: скакать на лошади, из ружья палить, да и латынь та же уже почти понятна мне. Матушка видела меня совсем маленьким. Вот если бы ей позволили хотя бы иногда приезжать в замок! Хотя бы иногда – только об этом просить и умолять я осмеливаюсь». – Доминик вздохнул и истово закрестился.

Все, молитва кончена, на душе стало легко и светло. Вот теперь Господу все известно: и о тяжелой разлуке с матушкой, и о желании свидеться. Конечно же, он не откажет в этой просьбе. Бог сотворил целый мир – значит, прекратить разлуку сына с матерью для него и вовсе не сложно.

Перекреститься на алтарь, преклонить колени перед выходом из костела – и можно отправляться в замок. Он недалеко. Надо только обогнуть высокую дозорную башню красного кирпича с белыми ставенками, пройти через парк с по французской моде постриженными деревьями, миновать озеро, берега которого заросли ивами с серебристыми листочками. А там уже и мост через крепостной ров, белоснежная высоченная арка, ведущая на внутренний двор. Авось учителя не приметят, и получится тайком проскользнуть на конюшню. Там так интересно! В центре конюшни лежит большой ковер, а вдоль него расставлены курительницы, из которых поднимается вверх легкий ароматный дымок, заглушающий запах навоза. Вокруг – ни соринки, ограды стойл искусно выкрашены краской, многие гости даже решают, что ограды те – из красного дерева. Но, конечно, главное богатство – это кони, вычищенные, холеные, чистейших кровей. Так здорово угощать их яблоками! Лошади доверчиво берут теплыми губами сочную мякоть с ладони, с удовольствием хрустят – а потом смотрят прямо в глаза, благодарно, нежно...

Как же не хватает, ужасно не хватает вот этого, самого главного, нежности и любви! Поэтому и ласка ищется – от животных, от слуг, а больше не от кого ведь. Отца так уже и не вспомнить, младенцы всего полутора месяцев от роду (а ровно столько было, когда батюшка преставился), наверное, памяти еще никакой не имеют. Матушкино лицо тоже уже все больше расплывается в дымке воспоминаний, отдаляется, теряет четкость. Зато постоянно искривленные недовольством черты опекуна, как назло, так и стоят перед глазами...

– Панич! Панич, иди сюда, я драников¹⁰ нажарила!

Звонкий голос кухарки, полной добродушной Марыси с вечно красным от кухонного жара лицом, прервал мысли мальчика. И Доминик живо проскользнул на кухню, забрался туда прямо через небольшое узкое окошко, расположенное возле самой земли.

– Панич ноги себе когда-нибудь переломает! – заворчала Марыся, с беспокойством оглядывая гостя. Быстрыми ловкими движениями она расправила расшитую золотым кружевом белоснежную сорочку мальчика, выбившуюся из-под случкого пояса¹¹, а потом неодобрительно покачала головой: – Что это панич себе надумал, через окно прыгать, лестниц и дверей как будто бы нет в замке! А худой, а бледный, а растрепанный, Матка Боска! Садись скорее за стол!

Дважды повторять не потребовалось. Доминик уселся на лавку, схватил румяный поджаристый драник, макнул его в сметану из красивой глиняной крынки и отправил в рот.

Объедение, натурально, совершенное объедение! Не успеешь прожевать – а рука уже тянется за другим и еще за одним...

– Вот это еда! – с набитым ртом прошамкал мальчик и мотнул головой, отбрасывая с лица пряди длинных светлых волос. – Как вкусно! А на наши обеды как принесут всяких перепелов в соусах, пока откушаешь их – намучаешься, мелкая птица, острая кость.

¹⁰ Оладьи из тертого картофеля, национальное белорусское блюдо.

¹¹ Часть костюма белорусской и польской знати, пояс с тончайшей искусной вышивкой, выполненной золотыми и серебряными нитями, настоящее произведение искусства.

Расхохотавшись, кухарка налила молока, пододвинула кубок к мальчику и покачала головой:

– Ты как твой дядя! Все по-своему норовишь сделать! Шляхтичи готовы горло друг другу перегрызть, только бы получить приглашение на обед в замок. Панский повар не абы где, а в Варшаве учился. А тебя блюда не устраивают! Зато то, что для слуг сготовлено, – за обе щеки уплетаешь. Сумасброд, как и дядя твой!

– Который дядя? Пан Коханку?

– А кто ж еще! Кому закон был не писан?! Помню, он медведя приказывал на трапезу прямо в замок приводить. Вот переполоха здесь случилось! Ужас: девки визжат, гости смеются, медведь ревет.

Доминик изумленно вскинул светлые брови. Мишку? Приказали завести в замок? Того, который все еще сидит на заднем дворе в специальной яме? Иногда медведя выпускают, на потеху гостям, и начинают дразнить. Но он же злобный! Так и норовит задрать зазевавшегося гостя; слуги едва успевают оттащить разъяренное животное. Куда такого в замок-то?

Марыся обиженно поджала губы:

– Не веришь ты! Твой дядька еще не такое выкидывал! Помню, гостей понаехало в Несвиж, бал устроили. А жара стояла – ну пекло. Дамы и рады бы танцевать, да душно, мочи нет, все веерами обмахиваются. Пан Коханку тут дамам и говорит: «Хотите верить, хотите нет, а вот завтра зима у нас будет. Не сойти мне с этого места, коли не станем по снегу на санях кататься!»

– Нехорошо так про дядю говорить, но ведь никто не узнает. – Удивленный, Доминик даже перестал поглощать драники, отставил кубок с парным молоком и хитро подмигнул кухарке. – Брехуном он был, дядька мой, откуда в жару снегу взяться? Не иначе как пан Коханку слишком часто звонил в колокольчик, что в винном погребе висит. Вообще, знаешь, Марыся, в сообразительности дяде не откажешь. По лестницам спускаться намаешься, вот пан Коханку заказал колокольчик, позвонишь, и уже подают тебе вино из подвала по специальной веревке. Хитер!

– Ай, панич, все перебиваешь, не слушаешь ты меня!

– Слушаю, слушаю.

– Тогда я дальше рассказываю. Пан Коханку пообещал гостям зиму. И вот на следующее утро дамы выглянули в окно, – на круглом добродушном лице кухарки мелькнула предвкушающая улыбка, – выглянули – и обомлели, все белым-бело вокруг. Натурально, зима!

– Врешь!

– Вот те крест! Зима – а все почему? Пан Коханку распорядился ночью соль по дороге рассыпать да сани запрячь. Конечно, кататься дамы не поехали, похихикали и сразу к озеру пошли, там хоть какое-то облегчение от солнцепека. Зато узнал про такую расточительность (соль недешевая ведь) один шляхтич¹² и шустренько явился в замок с телегой. А как увидел пан Коханку, что шляхтич тот пытается соли себе набрать, так распорядился насыпать ему телегу солью доверху. Чтобы шел шляхтич пешком, и все в округе видели, какой он жадный, и чтобы было шляхтичу стыдно.

– Стыдно! Скажешь тоже! Да он небось от радости прыгал – целая телега соли. На него все смотрели и думали: вот же повезло дурню. Чудак был мой дядя.

– Я тоже думаю, что стыдно тому шляхтичу не было. Потому...

Окончить фразу кухарка не успела. Лицо ее сначала застыло, а потом исказилось от ужаса. Полные губы чуть шевельнулись – однако из них ни словечка не вылетело и даже ни единого звука.

¹² Дворянин в Польше, Беларуси.

«Хорошая, конечно, наша Марыська, добрая, то драниками, то блинами всегда угощает, – пронеслось в голове Доминика. – Но ведь глупая она, как все женщины. Не иначе мышку али крысу увидела. Сейчас глаза попучит-попучит, а потом орать непременно начнет. Глупая женщина! Было бы кого пугаться, маленькой мышки! Эх, Марыся, а ведь как хорошо разговаривали мы только что, так интересно...»

Доминик с раздражением обернулся через левое плечо, куда был прикован взгляд сидевшей напротив кухарки. И сначала не заметил там ничего особенного, кроме широкой потемневшей спинки скамьи да серой каменной стены, на которой висел ряд медных, вычищенных до блеска сковородок. Но в ту же секунду он вдруг почувствовал: все же там, за спиной, *что-то есть*, там словно бы легко колыхнется сам воздух, беззвучно, но все же пугающе ощутимо.

Мальчик в ужасе вскочил со скамьи, бросился к распахнутому окну и только там осмелился обернуться.

Прямо под потолком кухни, то опускаясь ниже, то взмывая в самый верх, кружилась... женщина в черном платье... она была одновременно странно-прозрачной... и все-таки видимой, видимой так ясно, как висящая на стенке сковорода, которую порой задевал подол полупрозрачного черного платья. Какой жуткий, зловещий танец...

– Ох, Матка Боска! – прошептал Доминик. Он поднял руку, чтобы осенить себя крестом. Только в глазах отчего-то вдруг сделалось темным-темно, ноги стали ватными...

* * *

– Не надо метать бисер перед свиньями. Даже если очень хочется. Спасение утопающих – дело рук самих утопающих. С кем поведешься, от того и наберешься. Павел – псих, сумасшедший. А я не могу себе позволить уехавшей крыши, мне надо воспитывать ребенка...

Тихий, не очень-то убедительный шепот, очередная попытка аутотренинга.

Валерьянка высушила слезы и слегка сковала ледяной корочкой безразличия мучительные болезненные мысли.

Но только принципиально ситуацию это не меняет, в израненной кровоточащей душе по-прежнему плещется такая боль, что ее, кажется, больше не вынести, и возникают всякие малодушные порывы...

– Так, стоп, – пробормотала Лика Вронская, натягивая на голову плед, – давай разберемся, какие такие порывы у меня возникают и из-за чего. Я ведь почти сразу выяснила, что у моего избранника – аутизм¹³. Знакомый судебный психиатр предупреждал меня: такое не лечится, особенности психики Павла – это на всю жизнь. Но мне казалось: я же – особенная, сильная, я справлюсь с Пашиной болезнью; во мне так много любви, и самые страшные диагнозы станут неактуальными. Пару месяцев мне казалось, что я в раю. Павел был таким внимательным, заботливым, влюбленным. Я неосмотрительно познакомила его с Даринкой. И моей доченьки, настороженно относящейся к незнакомым мужчинам, было не узнать; она приняла Павла сразу же, полюбила играть с ним, даже стала слушаться. А потом...

Вронская замолчала, пытаясь подобрать слова, четко описывающие сложившуюся ситуацию. Но они все не находились. Может, к людям с отклонениями психического развития обычную лексику применить сложно?

Ничего особенного не произошло. Не было ни ссор, ни конфликтов, ни даже споров. Проведенная вместе ночь, счастливый блеск его глаз, нежность. Ураган признаний: «Лика, ты самая лучшая, ты моя любимая». На следующий день Павел не позвонил. От беспокой-

¹³ Более подробно об истории знакомства Павла и Лики Вронской см. роман О. Тарасевич «Кольцо принцессы Дианы».

ства (господи, в Москве ведь опять теракты, а Павел часто пользуется метро, его крутой «бумер» – все-таки не вертолет, и перемещаться по городу без машины намного быстрее) дрожащие пальцы с трудом набирают номер. Набирают день, два, три. От равнодушных гудков в трубке можно сойти с ума; неизвестность и неопределенность сжигают нервы. Душа – уже вся в трещинах глубокой обиды. Если с Павлом все в порядке, тогда, получается, он не отвечает на звонки потому, что хочет расстаться? Но почему об этом нельзя сказать прямо?! Потом наконец он перезванивает. Напряженный, истеричный голос в трубке: «Да сколько можно названивать! Что ты хотела? Не надо волноваться, со мной все в порядке. Разумеется, я тебя люблю. Я и не собирался тебя бросать! Не говори ерунды». Еще три дня тишины. И как ни в чем не бывало – приглашает в ресторан, поужинать. Только уже не ясно, что лучше: никакого общения или вот такая, как теперь, ледяная снисходительность. Какие пустые глаза у Павла, он ведет себя пугающе отстраненно. Как его перекосило от простого поцелуя в щеку. И все уже понятно: ремиссия закончилась, болезнь опять поглощает Павла; любимый, как и все аутисты, физически не выносит прикосновений, и одиночество – в настоящий момент это все, что ему требуется. А эта встреча его только мучит. Павел понимает, что, для того чтобы любимая девушка не обижалась, надо хотя бы иногда уделять ей внимание. Но только все, что ему в настоящий момент действительно нужно, – это закрыться одному в своей квартире, работать на электронной бирже, поддерживать стерильную чистоту комнат... Аутизм, увы, не лечится. Однако память услужливо напоминает: ведь совсем недавно этот мужчина был другим, он говорил о своей любви, творил чудеса в постели. А может, еще немного терпения, надо проявить выдержку, сделать вид, что ничего не происходит? И это на какое-то время приносит плоды, любимый словно оттаивает, становится прежним. Когда от счастья опять вырастают крылья – Павел снова исчезает, кричит, страдает, рвет душу. В нем словно живут два человека: один заботлив и адекватен, второй – равнодушен и бесчувствен. Красивое лицо Павла всегда безмятежно. Угадать, кто в нем проявится в следующую минуту, ангел или демон, попытаться понять, от чего зависят приступы, – невозможно. И вот вроде напрашивается очевидный вывод: отношения не сложились. Пора расставаться, прекратить рвать себе нервы, мучить Даринку («Мама, а дядя Паша сегодня придет?») – интересуется дочь, и что отвечать ее чистым глазам? Придет, если у него мозги не заклинит?). Надо учиться жить без этого мужчины, он болен, он неадекватен, он по состоянию здоровья изначально не может предложить нормальных отношений. Но только эта проклятая бабская жалостливость – в ущерб собственным интересам. Ах, бедный Павел, ведь он такой психопат, как же он будет жить один, без поддержки? А может, попробовать последний раз все наладить? Вдруг именно теперь, когда больше нет никаких сил и хочется разорвать этот проклятый круг мучений – вдруг именно теперь все наконец-то сложится, все будет хорошо?..

– Не будет, – пробормотала Лика, вставая с постели. – Ничего хорошего у нас с Павлом уже не будет.

Она подошла к зеркалу, минуту поизучала собственную, с годами ставшую практически идеальной внешность.

Густые светлые волосы пострижены в стильное каре. Огромные зеленые глаза; грустные теперь, конечно, но все-таки выразительные. Аккуратный, чуть вздернутый носик, пухлые губы, высокие скулы. На фигуру тоже не стоит жаловаться: сорок пять килограммов, как до родов, как во времена студенчества; не каждая школьница может похвастаться такой тоненькой талией и стройными ножками...

– Красота – страшная сила, – резюмировала Вронская свои наблюдения и натянуто улыбнулась. – Нет, я не заслужила таких страданий. И я должна думать о счастье своего ребенка. Не хватало мне еще заболеть от всех этих мучений. И кто тогда будет кормить дочь? Не Павел же; когда у него мозги заклинивает, он не выносит даже взрослого человека и, кажется, вообще не умеет о ком-либо заботиться... Все равно мы никогда не сможем ужиться

с его припадками. Павел в состоянии обострения будет срываться на Даринке – она же ребенок, шумная и непоседливая, три годика всего. А Павла во время припадков бесят все проявления чужого присутствия; но в чем виноват мой ребенок?.. Нет, все-все-все! Клянусь, я вытащу эту проклятую занозу из своего сердца. И я даже догадываюсь, что именно мне поможет это сделать!

Ли́ка прошла к столу и принялась листать ежедневник.

А что, получается, ничего срочного в ближайшие недели не запланировано.

Новый роман сдан в издательство.

Съемки телесериала по книгам окончены. Кино выйдет на экраны в лучшем случае через полгода, теперь, как объяснял продюсер, предстоит долгий и муторный процесс – монтаж отснятого материала. Однако помощь автора книг в этом деле совершенно не требуется.

Для газеты совсем недавно написана целая куча статей. После окончания романа такой кайф поноситься по Москве с диктофоном, журналистика здорово помогает прийти в себя после активного литературного труда.

Дарина и любимый пес Снап и так уже фактически живут за городом, у родителей. Конечно, тоска по ним и тревога не оставляют ни на минуту. Но им там лучше, чем в Москве, – простор, свежий воздух, ни пробок, ни террористов, ни нервной городской суеты. И так, проблем с пристраиванием ребенка и собаки на время поездки тоже нет.

Значит...

Вронская включила ноутбук, рассчитывая полазить по сайтам туристических агентств и выбрать тур в какую-нибудь прекрасную экзотическую страну с теплым морем и оранжевыми закатами, которые быстро залечат душевные раны.

Однако стартовой страницей сначала загрузился новостной портал. На весь экран растянулся заголовок: «В Беларуси нашли клад Радзивиллов».

Клад? Старинный? А ведь Беларусь – это совсем близко, ночь на поезде. Может, имеет смысл начать работу над новой книгой и выяснить, что произошло?

Да, пожалуй, это даже лучший вариант, чем поехать на отдых. Заморские красоты принесут радость, но все равно будут горчить недавней потерей. Наслаждаться отдыхом лучше с любимым человеком, а если его нет – как же из головы выбросишь все мысли о недавнем разрыве. А вот когда занимаешься работой, на страдания не остается ни сил, ни времени. Тем более, кстати, называть работой свои источники дохода – будь то писательство или журналистика – все-таки язык не поворачивается. Эти занятия прекрасны, увлекательны, совершенно не обременительны. Как правило, писать книги или статьи хочется даже больше, чем беззаботно загорать на пляже.

Заинтригованная, Ли́ка кликнула на статью и погрузилась в чтение.

Через час она уже мчалась в своем «фордике» на Белорусский вокзал за билетом.

Пробок на дорогах не было, но Вронскую это не радовало. От случившегося, несмотря на все попытки отвлечься, очередного приступа любви к Павлу ныло сердце, и из глаз (вот позорище, взрослая женщина, а сопли распускает, как ребенок!) лились слезы. Стараясь успокоиться, Ли́ка включила радио на полную громкость. А вдруг хотя бы оглушительный рев попсы заглушит эти невыносимые муки?..

* * *

«Не надо было заходить на вещевой рынок, – ругал себя Валерий Клишевич, нервно постукивая пальцами по рулю автомобиля. – Вот привез клиентку, получил на чай – и катись отсюда на следующий заказ, таксиста, как волка, ноги кормят. Но нет, мне ведь больше всех надо! Я же любознательный! Припарковался, вышел. И что? Одно расстройство! Розничные цены на джинсы и свитера на десять процентов ниже, чем тот опт, который я взял. Не

понимаю, как это случилось! Я ведь анализировал предложения всех поставщиков, даже придумал схему, позволявшую мне взять товар по минимальной цене. «Другие соображают лучше», – опять скажет Ритка, презрительно усмехаясь. И я промолчу, потому что крыть нечем. Склад забит китайскими и турецкими шмотками, которые придется реализовывать себе в убыток, скоро надо платить налоги, в такси я зарабатываю копейки, и это значит...»

Валерий в отчаянии обхватил голову руками и застонал.

Опять с его бизнес-идеями ничего не выходит! Опять! Но почему? На некоторых приятелей посмотришь: сегодня у них маленький киоск, завтра целый павильон, послезавтра уже магазин. Со стороны это кажется таким простым: купить подешевле, продать подороже, прибыль вложить в расширение. Но на практике...

А ведь сидеть и не дергаться тоже было нельзя; под лежащий камень вода не течет. Если хочешь изменить свою жизнь – надо действовать. Изменений хотелось...

Что это за работа – таксист? Удовольствие-то она, впрочем, доставляет; это здорово – носиться по городу, ловко маневрировать, знать, где бывают пробки и как их объехать. Нравится держать руку на автомобильном пульсе столицы. Нравится общаться с людьми. Это та еще арифметика, это высший пилотаж психологии: за полчаса поездки сделать так, чтобы клиент расщедрился на чаевые, да еще и поблагодарил. Но. Пункт первый: больших денег в этой профессии не сделаешь, заработков едва хватает на то, чтобы свести концы с концами; да и обслуживание автомобильной «лошадки», пашущей с утра до ночи, требует постоянного вложения средств. Пункт второй: здоровье в салоне автомобиля теряется с катастрофической быстротой. Сначала садится зрение, потом появляются боли в спине, геморрой; проблемы со сном (ночью больше всего заказов, придешь домой под утро – и мучаешься от бессонницы), проблемы с желудком (перехватишь на ходу гамбургер, а это разве еда. Ну и курево проклятое, уже и сил нет дымить, а все равно, как с клиентами затишье, рука за сигаретой тянется). Пункт третий: непрестижно. Нет, может, какому-то простому парню, приехавшему из провинции, такой расклад – предел мечтаний, вершина карьеры. Но для минчанина, окончившего истфак БГУ, баранку крутить – это как-то несолидно, хотя и более денежно, конечно, чем в школе историю преподавать. И четвертое: с такой внешностью... «Вы похожи на Ричарда Гира», – восхищенно говорят клиентки, усаживаясь в старенький «Пежо». Им просто больше не с кем сравнивать. На самом деле Ричард Гир с Джорджем Клуни нервно курят в сторонке. Рост под два метра, отличная фигура, а лицо... Еще не встретила та женщина, которая осталась бы равнодушна к огромным голубым глазам, красиво очерченным скулам, многообещающему рту. В общем, с внешностью повезло, она здорово облегчает жизнь. Потому что, как бы ужасно ни шли дела, всегда найдется дамочка, готовая заплатить сто долларов за пару часов, проведенных в койке. Или взять на содержание, поселить в своей квартире, оплачивать ремонт авто и затыкать дыры в неудачных бизнес-проектах. Как Рита... Впрочем, одно другому не мешает. Можно утром быстренько утешить случайную, изнаывающую без секса дамочку, снять на заработанные собственным телом деньги шикарную проститутку, а вечером с честным видом вернуться к Ритке.

Рита, Рита... Не первая из используемых женщин. А почему, собственно говоря, надо отказываться от того, что само плывет в руки? Быть альфонсом не комильфо? Да ладно, по большому счету, все люди продаются. Просто не у всех есть такие огромные возможности, не перед всеми выстраивается очередь из влюбленных дамочек. И вот Рита – очередной этап в круговороте покладистых состоятельных женщин. Успешная (к тридцати годам – замдиректора нефтегазовой компании), не очень красивая (а вот это уже совершенно неважно, ночью все кошки серы, и банковская карта с неограниченным кредитом – отличная компенсация), сильная, волевая. При этом она казалась такой влюбленной, услужливой, предупредительной. Когда возникла идея создать свой бизнес – Рита с воодушевлением поддержала, оплатила аренду склада, дала денег на закупку товара и рекламу. Только вот ничего с этим

бизнесом проклятым не выходит. А Ритка только злорадствует. Ей по кайфу, что она, хрупкая тридцатилетняя девушка, содержит высоченного сорокалетнего мужика; что любовник должен ей уже не один десяток тысяч долларов и поэтому будет послушно выполнять все ее капризы. О нет, на жертву альфонса Рита теперь уж никак не походит. От ее слепой горячей влюбленности ничего не осталось. Как девчонке нравится унижать своего партнера! Должно быть, ей на ее серьезной ответственной работе мозг запарят, вот она домой приходит и сбрасывает накопившийся негатив. Рита даже рассчитала домработницу, заявив: «Мне будет менее накладно, если ты станешь заниматься уборкой, хоть какая-то польза для общего быта. Большого ты делать не в состоянии! Бросай такси, там все равно платят копейки. Занимайся хозяйством, уборкой, борщи вари...»

«Конечно, лучший вариант в этой ситуации, – подумал Валерий, заводя двигатель, – это найти новую дамочку, которая оплатит все мои долги перед Риткой. Рита хитрая, предлагала помощь – а расписки брать не забывала, мы ходили к нотариусу, все как полагается. Найти бы новую подругу, которая оплатит все долги. Но, конечно, это все нереально. Ту же Риту пришлось два года почти бескорыстно трахать, пока она пришла к выводу, что я ее страстно люблю. Быстро минимум пятьдесят тысяч долларов никто не выложит. Если у девки хватает мозгов заработать такие деньги, то просто так, за красивые глаза, она с ними ни за что не расстанется. За новой дойной коровой придется поухаживать. А как, когда Ритка с меня глаз не спускает? Замкнутый круг какой-то!»

Отключив рацию (состояние ужасное, все равно на чаевые нечего рассчитывать), Валерий сначала просто бесцельно кружил по городу, пытался успокоиться и взять себя в руки. Вывеска книжной ярмарки вдруг подсказала ему еще один способ отвлечься. С филигранной точностью профессионального таксиста припарковав машину, Клишевич торопливо вошел в большой павильон.

Уже прочно обосновавшийся в душе страх перед Ритиным ворчанием («Хватит забивать своим дурацким Пикулем мою квартиру!») заставил криво усмехнуться.

Господи, это же надо до такого дожить! Чтобы просто бояться купить понравившуюся книгу...

Валерий грустно посмотрел на свое отражение в стеклянной витрине.

А ведь там отражается такой красавчик! Никогда не скажешь, что любовница его зашугала до нервного тика!

Идеальная фактурная внешность хорошо упакована в отличные шмотки; на одежду Рита денег никогда не жалела. Светлый стильный плащ от «Хьюго Босс», элегантный свитер, дорогие джинсы, итальянские модельные ботинки.

Таксист, как денди лондонский одетый.

Специалист по кунилингусу, дорого, качественно. Фантазер, в очередной раз размечтавшийся поднять неплохой капитал на торговле одеждой – и со всей дури шмякнувшийся о грешную жесткую землю.

ТЬфу, гадость какая... не те мысли приходят в голову... совершенно не те...

– Валерка! Что же ты к нам в архив не заходишь? Как дела твои? Ну, ты франт! Всегда был франтом!

Пожимая протянутую ладонь однокурсника, Валера мгновенно расправил плечи, придал лицу утомленно-успешное выражение, сверкнул голливудской улыбкой:

– Некогда, старик. Поднимаю свой бизнес. Дела идут в гору, скоро буду расширяться!

Валерий врал, как всегда, вдохновенно. И постепенно сам начинал верить в собственную ложь.

Действительно, перед однокурсником, сиденькой, прилизанной крысой из архива КГБ, уже стоит кто? Да ведь крутой бизнесмен, прирожденный лидер! А то, что этот лидер сходит с ума от Ритино го ворчания и излишнего темперамента в спальне – так это мелочи, времен-

ные трудности, все образуется. Это ничего, что к сорока годам нет ни своего угла, ни семьи, ни детей – только выводок раскрученных на деньги не очень красивых баб. Все еще наладится. Вот пойдет торговля, потом получится купить просторную квартиру, машину, «БМВ» или «Мерседес», конечно, чего размениваться на мелочи.

– Подожди, все это, конечно, очень интересно, – перебил однокурсник монолог о Валериных бизнес-успехах. – У меня для тебя очень важные новости. Как здорово, что мы вот так случайно встретились. Ты не представляешь, я ведь искал тебя. Но по городскому номеру меня обругала какая-то девушка и сказала, чтобы я больше не звонил. А мобильного твоего у меня не было. Валер, я долго тебя искал. Закон подлости. А может, ты уезжал? Впрочем, неважно. Ты сейчас упадешь! В это невозможно поверить, но...

Валерий Клишевич слушал торопливый, сбивчивый рассказ однокурсника. И, действительно, был готов упасть в обморок.

В голове сенсационная информация просто не укладывалась.

Наверное, она многое меняла. Открывала в том числе и новые финансовые перспективы. Да-да, пожалуй, какую-то выгоду при таком раскладе возможно извлечь. Если повезет...

Конечно, однокурсник все говорит правильно.

Только так и должно быть.

О таких вещах можно не знать на сознательном уровне – но все равно догадываться интуитивно. Всегда ведь было совершенно четкое осознание своего отличия от других людей, невозможность довольствоваться малым.

Так вот почему любой компромисс казался чем-то неправильным! Просто кровь не обманешь...

Ошеломленный, обрадованный, Валерий с трудом распрощался с приятелем, вернулся в свою машину и завел двигатель.

И сразу же возникло непреодолимое желание поехать в Несвиж.

– Стыдно кому признаться, я ни разу не был в замке Радзивиллов, – пробормотал Валерий, нажимая на педаль газа. – Да пошло оно все куда подальше: такси, Рита, долги! Теперь все будет совершенно иначе. Если только мне повезет...

Глава 2

Несвиж, 1795 год

Темно-карие глаза и льняные волосы. Жемчужное ожерелье в пять рядов на смуглой шее, кольца с жемчугом на тонких пальчиках, а еще серьги, перламутровые нежные горошинки на золотых цепочках. К улыбке Барбары Радзивилл шел жемчуг, и она прекрасно знала об этом, как и всякая прекрасная девушка угадывает, что лучше всего оттеняет ее красоту. Платьев у расцветающей первой юной своей прелестью паненки имелось великое множество, и легких белых бальных, на выход, и темных теплых шерстяных, которые она носила в обычные дни в замке (покои-то огромные, в каждом жарко пылает камин, однако из коридоров в зиму все равно так и тянет студеным). Она любила переменять наряды, все вертелась перед большим зеркалом, искусно оплетенным виноградом из чистейшего серебра. Платья менялись. Только жемчужные украшения всегда были неизменными в ее облике.

Пятнадцати лет выдали Барбару замуж, она и школу при костеле еще окончить не успела, а уже собрали под венец, отдали известному трокскому воеводе Станиславу Гаштольду. Род его был самым знатным и сильным в Литве, и воином Станислав считался хорошим, и даже не слишком старым он Барбару за себя взял – всего-то ему тридцать лет исполнилось, куда чаще девочкам-паненкам знатных фамилий с мужьями лет по сорок доводится век коротать, а то и по пятьдесят. Только, конечно, не любила Барбара мужа своего. Понимала, что должна, пред Богом ведь венчаны, по воле родителей – а не любила, чужим, старым, некрасивым казался супруг молоденькой девушке. Только одно Станислав, несомненно, хорошо сделал – быстро помер. И в двадцать лет Барбара уже стала вдовой, красивой, богатой. Жила она тогда в Вильно. Постылое замужество забылось быстро. К тому же поблизости находился замок наследника польского престола Сигизмунда Августа. Черноволосый, темноглазый (наполовину ведь итальянец), галантный – он вскружил Барбаре голову комплиментами, горячими взорами, певучими стихами собственного сочинения.

Когда женщина любит, то все принимает, на все готова, со всем согласна. Нет ничего такого, чего нельзя было бы вынести ради любимого. Конечно, о том, чтобы стать женой Сигизмунда Августа, молодой вдове и мечтать было нечего. Хотя каждую ночь наследник горячо доказывал свою любовь. Только ведь там, где трон, где престол и корона, о любви и речи не ведется, там думают лишь об интересах государства, о политике, и препятствовать всему этому ни у кого возможности не имеется. Но что такое боль, которая случится завтра? Когда сегодня рядом с тобой твой любимый, и он обнимает так нежно, что кажется, от счастья вот-вот взлетишь в самое небо, как святой ангел...

Марыся замолкла, отпила молока из кубка.

И дивные картины, которые мальчик мысленно рисовал вслед за ее рассказом (а он, как всегда, велся самыми простыми словами), сразу же прекратили туманить все еще немного кружащуюся голову...

Доминик лежит на лавке в кухне, и, пока Марыся пьет молоко, думает о том, как же ему неловко за недавний обморок.

Действительно, вот стыдобища-то приключилась! Перепугался и упал, как какая-нибудь влюбленная паненка на балу. До сих пор перед глазами все слегка дрожит и расплывается. Только дикий парализующий страх уже отступил. Кухарка рассказывает о той, которая является теперь призраком в Несвижском замке. И уже представляется Барбара вовсе даже не жуткой, а красивой, нарядной, влюбленной. Просто очень уж неожиданно возник вдруг под потолком кухни ее призрак, а потом так же неожиданно исчез, будто его и не было вовсе...

– Барбара с женитьбой Сигизмунду Августу не докучала. А вот братья ее терпеть такого непотребства не стали. Слухи по Вильно пронеслись быстро, все только и делали, что судачили: Барбара Радзивилл, та самая, знатного рода, – как последняя девка гулящая, все позволяет и на все согласна, – продолжила Марыся, отерев ладонью белые молочные «усики».

И Доминик уже видит двух дюжих молодцов, Николая Черного и Николая Рыжего, братьев Барбары, что ночью затаились у покоев сестры. Накануне Сигизмунд Август обещался им в самом серьезнейшем разговоре: больше к Барбаре ни ногой, довольно порочить молодую вдову, коли в жены ее взять возможности не имеется. Легко ли было слово такое давать – неведомо. А вот держать его оказалось невозможно. Поймали в ту же ночь будущего короля Польши у постели Барбары, кликнули ксендза. Сигизмунд Август не противился тайному венчанию, любил Барбару крепко, а еще скандала не хотел. В самом деле, негоже, конечно, такому знатному пану слова своего не держать!

И вот умирает отец его, и мать, Бона Сфорца (сама родом из Италии и там, должно быть, заимела манеру к отравлениям, немало Радзивиллов пали жертвами ее яда), подыскивает молодому королю достойную невесту. Тут все и вскрывается: женат, да еще на Барбаре Радзивилл, той самой, чей род испокон веков ненавидят короли польские за силу, за богатство, за то, что служить Польше Радзивиллы-то служили честно, но вот колен никогда не преклоняли и достоинство свое всегда хранили... Бона Сфорца – хитрая, коварная. Сразу же съехала с Кракова, где поселились молодые. Якобы стерпеть не смогла и сделанный сыном выбор жены, и что все тайно, без ее ведома, совершилось. Да только разве для того, чтобы на тот свет бедняжку новобрачную спровадить, обязательно самой яд в пищу подсыпать? Наверняка подговорила кого-то из слуг коварная мстительная свекровь. Полгода, всего полгода прошло от коронации Барбары до похорон ее. Кончалась королева ужасно: прекрасное нежное тело покрылось гнойными нарывами, такими страшными, настолько зловонными, что служанки не могли даже находиться рядом с постелью умирающей госпожи своей, падали в обморок. Завидев это, Сигизмунд Август сам стал ухаживать за женой, кормил, поил, менял ей промокающее от гноя платье – и никакого отвращения не испытывал, только жалость к бедной мучающейся жене была в его сердце. Лучшие доктора и знахари смотрели Барбару. Да только не помогли ни снадобья их, ни советы. Отравленная, преставилась молодая красавица из славного рода Радзивиллов...

Конечно, скорбь короля была огромной. Две недели оплакивал он свою любимую, а потом, когда пришла пора хоронить Барбару, от Кракова до Вильно, рядом с везущей роскошный гроб телегой, Сигизмунд Август шел пешком. Пешком – такое множество верст! Он хотел утомиться до смерти? Думал, что долгий тяжелый путь позволит ему привыкнуть к мысли о смерти жены? Но и после похорон не находила покоя душа короля. Он понимал: Барбары больше нет. Однако смириться с этим, принять волю Господа все не получалось у него. Прознав про такие муки короля, пришли к нему колдуны с заманчивым обещанием: хоть каждый день можно вызывать дух преставившейся рабы Божьей Барбары, смотреть на покойную жену, как на живую, и даже разговаривать с ней. Работа такая, конечно, не простая, весьма и весьма сложная, потому тугого кошелька золота стоит – но зато какое диво случится, всенепременно дух Барбары явится, сможет даже беседу вести. Только одно важное условие – нельзя касаться королю жены своей, ни в коем случае, иначе беда страшнейшая приключится.

Что тут стало с Сигизмундом Августом! Он накормил и напоил колдунов, как самых дорогих гостей, щедро осыпал их золотом и драгоценными камнями и все никак не мог дожидаться, когда же явится пред ним дух любимой прекрасной Барбары.

– Ваше величество, надо бы руки вам привязать к подлокотникам, а то как бы беды не вышло, – заметил один из колдунов, зажигая в королевских покоях специальные черные

свечи, источавшие дурманный аромат. – Давайте вот сюда, ближе к зеркалу, кресло ваше пододвинем. И руки привяжем.

– Да помню я! Помню, нельзя касаться! – раздраженно заметил король и, не дожидаясь помощи, подтащил тяжелое кресло, обитое красным шелком, к большому овальному зеркалу. – Не надо веревок никаких, только время терять!

Сердце Сигизмунда Августа замирало от волнения. Какой явится жена? Здоровой или с язвами? Все одно, любая, всякая; все равно только она, лишь она – смысл жизни, без Барбары свет белый сделался не мил...

От черных свечей вдруг пошел чад, и весь покой постепенно наполнился темным густым дымом. Когда же он развеялся, у Сигизмунда Августа заняло дух. Перед ним стояла Барбара, прекрасная, свежая, в ночном тонком белоснежном платье. Такой бывала она при жизни по утрам, до болезни еще – с легкой улыбкой, приветствующей новый день, с сияющими темно-кариими глазами, и через тонкую ткань рубашки просвечивалась красивая полная грудь...

– Басенька, – застонал король, заключая жену в объятия, – Басенька, любимая моя...

Ему показалось – в собственных руках почему-то не чувствуется тела жены, он обнимает лишь воздух, пугающую пустоту.

И в ту же секунду громыхнул взрыв, свечи погасли, и покой наполнился невыносимым трупным запахом. В кромешной темноте раздались горькие рыдания.

– Что ты наделал, муж мой?! – плакала королева. – Нет мне теперь дороги ни на небо, ни на землю! Судьба мне вечно скитаться!

... – Вот с той поры душа Барбары Радзивилл и не знает покоя, все бродит по замку. Я уже второй раз ее вижу. – Марыська потрепала Доминика по светлым волосам. – Ты ее не бойся, она обиды никому не делает.

– Да я и не боюсь. А ты меня успокаиваешь, но сама боишься! Как увидела призрак – так прямо вся помертвела, затряслась!

Кухарка кивнула:

– Да как к такому привыкнешь! Вот и побаиваюсь, конечно. Хотя зла Барбара не чинит. Но все-таки старожилы говорят: появление Черной дамы – ой, не к добру. Она является, коли вскорости ждать войны, или мора, или если год неурожайный выдастся.

Внезапно что-то показалось странным Доминику в рассказе Марыси. Потому что вспомнил он, что портрета Барбары в специальной галерее, где собраны все Радзивиллы, что жили в Несвижском замке, как раз таки и не имеется. Вот и Марыська говорит – в Виленском замке Барбара жила. Так чего ей в Несвиж-то являться, коли она тут никогда и комнат своих не имела, и проездом, может, даже не останавливалась?!¹⁴

Однако озвучить свои рассуждения Доминик не успел. Со стороны лестницы вдруг послышались шаги, голоса, бряцание оружия. Князь Михаил... кто же еще может так цокать каблуками сапог, украшенных золотыми цепочками и драгоценными накладками! Нигде не спрятаться от зловердного опекуна, в целом замке – ни уголка убежища!

Доминик послал Марысе умоляющий взгляд, прижал палец к губам и юркнул за дверь.

Матка Боска, да что же это князь за человек-то такой! Как сильно он двинул дверь к стене, тут и вскрикнуть недолго... слава богу, а вот уже и чуть отодвинулась дверь та самая... можно все рассмотреть, что в кухне происходит...

¹⁴ Восприятие несвижского призрака, Черной дамы, именно как Барбары Радзивилл широко распространено в белорусской научной и художественной литературе. Но в последнее время некоторые исследователи полагают, что призрак «принадлежит» другой женщине, Анне-Катерине Радзивилл (из рода Сангушек), знавшей с нечистой силой и мучившей дворовых девушек.

– Ясновельможный пан, приветствую. – Марыся, вполне непринужденно изображавшая уборку стола, отерла о фартук руки и почтительно вытянулась.

– Вижу, был у тебя Доминик! – гаркнул князь и пресильно ткнул в бок стоявшего рядом учителя. Поэт Франтишек Карпинский, смиренно склонивший голову, вздрогнул, словно бы его ужалила пчела. – Учите вы его наукам, учите! Значит, плохо стараетесь, коли он на кухне свои науки изучает.

Учитель собирался что-то возразить, губы его слабо шевельнулись, однако потом поэт едва заметно махнул рукой и грустно вздохнул.

Действительно, с опекуном спорить – себе дороже.

– Не было здесь панича, ясновельможный пан! – твердо заявила Марыся, стараясь придать лицу вид честный и немного испуганный.

– А кубка почему два на столе? Что на это скажешь?

Проклятый князь! Ничего от его взгляда не укрывается! Лучше бы он не шпионил, а мамочку в Несвиж вернул, все больше пользы было бы!

Отводя взгляд, кухарка пролепетала:

– Так это Антось заглядывал. На минуточку только, а потом опять в парк работать пошел.

Марыся покраснела, как помидор, и Доминик понимающе улыбнулся. Неспроста, ой неспроста дворовые девушки болтали, что видели Марысю с садовником Антосем на сеновале. Дыма без огня не бывает.

– Хорошо, Антось так Антось. Садовник меня сейчас мало волнует. А если Доминик здесь объ-явится, скажи, чтобы попросил слугу свезти его скорее в Альбу. Мы уже прямо сейчас уезжаем!

Вжавшийся в стену мальчик боялся даже выдохнуть: опекун сделал шаг вперед, высокая тяжеленная дверь пододвинулась еще ближе, а ненавистный князь оказался совсем рядом, уже даже чувствовался запах его сладковатого табака, намертво впитавшийся в роскошное одеяние.

– Все запомнила? – подозрительным тоном поинтересовался опекун.

Марыся неуверенно протянула:

– Все... Что ж тут сложного, тут и запоминать нечего...

Доминик стоял ни жив ни мертв. С князем Михаилом всегда так – он иногда делает вид, что верит, а потом как засверлит своими черными подозрительными глазами, как скажет неожиданное слово, вся ложь сама собой и раскрывается. Лишь бы Марыська не испугалась! Ох, только бы сдюжила, только бы сама сообразила; предупредить ведь ее сейчас никакой возможности не имеется.

А вот станет хорошо, коли князь Михаил съедет в Альбу!¹⁵ Потехи там, конечно, очень глупые и смешные. Устроены в Альбе домики, якобы простые, крестьянские. Знатные паненки делают вид, что ходят за птицей (а как испортят туфли или подол платья пометом, вот крику сразу, все утки разбегаются!), шляхтичи пытаются косить луг (но не всех надолго хватает, иной пан мозоли кровавые в два счета натрет, а другой так и вовсе косой пораниться может). А вечерами катаются все на лодочках по специально приготовленным к выезду двора каналам. Потом, как обычно, пир горой, пока вытерпишь все перемены блюд, уже и носом клевать станешь, время за полночь, а тарелки все несут и несут. Обслуги для такой якобы простой жизни собирается – половина окрестных деревень. Смешно, право, слушать, как князь Михаил говорит, что в Альбе познает жизнь по-настоящему народную и не парадную...

¹⁵ Летняя резиденция Радзивиллов в пригороде Несвижа.

– Выходи, ушел он. – Марыся отодвинула дверь и, улыбнувшись, помахала растопыренной пятерней, как веером, перед лицом Доминика. – Ты тут сопрел весь, жарко, да?

– Ничего, стерплю, – сонный, разомлевший, Доминик добрел до лавки и рухнул на жесткое дерево. – Главное, чтобы меня до отъезда никто не нашел. Так я и бросился искать слугу, чтобы сvez меня в Альбу! Нашли дурня!

– Чудной ты, Доминик. А чего бы тебе и не съездить, там забав столько для господ устраивается. Что ты будешь делать один в Несвижском замке?

Доминик уже открыл было рот, чтобы рассказать о своем чудесном плане.

Давным-давно ведь уже решено: как только князь Михаил выедет из Несвижа, надо помчаться в спальню его. Там, рядом с кроватью под парчовым балдахин, за небольшим портретом пышногрудой дамы (не из Радзивиллов, почти голой и такой красивой), находится тайник, а в нем ключ. Не простой тот ключ! Он отмыкает двери в сокровищницу, а там, там... Что именно там находится, пока, конечно, неизвестно. Но слуги болтают: покоятся в той сокровищнице все несметные богатства несвижских Радзивиллов – горы золота, пуды! И самые редкие статуи, и драгоценные картины, написанные известнейшими художниками! А посему, конечно, понятно, что во всем огромном замке нет местечка любопытнее и секретнее!

Мальчик собирался все это выпалить, но вдруг передумал. Что скажет в ответ Марыся – угадать несложно: «Не ходи туда, не делай этого, не ты сокровища схоронил – не тебе их и разглядывать». Да еще распереживается она, конечно, разворчит, как это всегда принято у женщин. Зачем же ее расстраивать?

– Скучать мне одному не придется. Буду знакомиться с Черной дамой, – слукавил Доминик, оглядывая стол. И тут же перевел разговор на другое: – А драников что, больше нет?

– Сейчас сготовлю, – обрадовалась Марыся. – Или, может, панич блинов хочет?

– Блинов тоже можно, – пробормотал Доминик, косясь в окно. Там уже седлали красную вороную лошадь князя, готовили кареты...

Умирая от нетерпения, он еле дождался, пока замок опустеет.

Ура, наконец-то! Все съехали, теперь-то дозволено, никто не увидит, не остановит, не помешает...

Вперед, по длинным коридорам, разносящим эхо шагов, в княжескую спальню, пропахшую табаком и духами.

Есть, он есть в тайнике – железный, весь в масле, заветный ключик. Подсвечник, кстати, захватить можно здесь же, с подставки у изголовья кровати, – в сокровищнице ведь, должно быть, темнота, хоть глаз выколи.

Теперь скорее в комнату для умываний! Мимо двух больших стеклянных полупрозрачных ванн, красной и зеленой¹⁶, всегда восхищавших даже самых знатных гостей замка; мимо комнаты со специальным металлическим жбаном, в котором слуги согревали воду. Там, дальше, тайная дверь, ведущая к подземному ходу¹⁷, но, не углубляясь далеко в подземелье, сбоку...

Все! Вот! Она самая, сокровищница, где сокрыты все богатства Радзивиллов. Однако все же неприметная дверь какая... Словно помещение для слуг, может, ошибка вышла?

Но нет, нет! Никакой ошибки.

Ключ подходит, замок проворачивается, и...

От яркого ослепительного блеска золота Доминик едва не выронил тяжелый литой подсвечник.

¹⁶ Отливались на мануфактуре, принадлежащей Радзивиллам.

¹⁷ Несвижский замок был весь опутан подземными ходами, часть из них обнаружена во время недавней реконструкции.

Матка Боска, сколько тут всего... богатства разного, пригожего... вазы, картины (и в золоченых рамах, и просто холсты, скрученные в трубки); сундуки, украшенные драгоценностями; золотые рыцарские доспехи, золотое тоже оружие...

А это здесь откуда?! Наставник Франтишек Карпинский, когда рассказывал про историю Древнего Египта, показывал картинки в книге: большие золоченые маски, прикрывающие полностью все лицо; такие использовались для погребения фараонов. Но откуда такие маски в Несвиже?! Хотя многие предки ведь любили путешествовать, ездили по разным странам. Выходит, куда бы судьба ни заносила, всегда старались собирать сокровища для потомков...

Мальчик сделал шаг вперед, вытянул руку с подсвечником. И не смог сдержать восхищенного восклицания.

Там, в глубине сокровищницы, стояли огромные, в человеческий рост, золотые и серебряные фигуры. Они были очень причудливыми, искусными, разнообразнейшими... прямо глаза разбегаются...

У некоторых статуй в руках имеются книги – и оклады их сияют рубинами, изумрудами, сапфирами. А некоторые молятся, преклонив колени; и, наверное, меж сложенных ладоней помещаются неприметные бриллианты; только их не видно, совершенно не видно камней, зато яркие блики, как сошедшая благодать Божья, озаряет лица. Вот еще одна приметная фигура – в плаще, с поднятой рукой, благословляет. И сначала вроде бы просто восхищаешься тонким литьем, любую складочку на одежде можно отличить, да что там – каждую ресничку! Но только падает свет свечи на эту фигуру – и от руки ее разбегаются синие едва заметные огонечки, наверное, то сияние драгоценных камней. Только про камни уже потом думается. А вначале кажется, что движется рука золоченой статуи, действительно осеняет крестом – так причудлива и искусна игра бликов! Вот именно взмах – его, кажется, прямо видишь, натуральнейшим образом, своими собственными глазами!

Двенадцать апостолов.

Двенадцать апостолов, те самые!

Так, значит, это не досужие разговоры слуг, так, значит, они и взаправду существуют! Самые дорогие статуи во всей сокровищнице... Отлиты они из чистейшего серебра и золота, много пудов драгоценного металла ушло на их изготовление. Слуги болтали, что коли случится какая опасность – из золота и серебра, пошедшего на изготовление апостолов, Радзивиллы смогут собрать армию, которая будет больше и сильнее, чем у польской короны и российского трона, вместе взятых. Очень дорогие эти статуи...

– Только не в этом дело, вовсе не в этом множестве золота и драгоценностей, – прошептал Доминик, не в силах оторвать взгляда от апостолов. – Здесь такая красота и такое мастерство искусное воплотились, никакими деньгами такое мерить нельзя...

Он смотрел на золотые статуи и испытывал множество разных чувств.

Конечно, сердце замирало от восхищения. Как искусны мастера, сотворившие такую красоту; как велики предки, которые смогли сберечь этих апостолов для наследников!

А еще к восхищению примешивалась тревога.

– Наверное, придется и мне тоже сберегать, приумножать? – пробормотал Доминик, с непонятным для себя беспокойством оглядывая статуи. – Не потемнело ли золото? А если камни потускнеют? Наверное, когда стану я совсем большим, придется и мне для сокровищницы покупать. Надо найти настоящих мастеров, чтобы могли сделать такие искусные сокровища – не хуже, чем те, которые собирали старшие Радзивиллы...

Доминик смотрел на апостолов, и по щекам его текли слезы.

Как же велика земля, рожающая таких искусных мастеров!

Как велик род радзивилловский, сберегающий все самое лучшее, что только есть в отчем крае!

Как много предстоит сделать, чтобы быть достойным и своего рода, и своей земли!

– Я обязательно стану достойным! – Доминик опустил перед апостолами на колени, сложил ладони для молитвы. – Господь не оставит меня, и я буду таким же сильным, как и мои предки, и край наш будет богатеть и расцветать по милости Божьей, на радость всем нашим людям...

* * *

Счастье и горе, словно шампанское, пенились в душе Игоря Славина, как ни странно, одновременно. И этот эмоциональный коктейль ему безумно нравился.

«Если бы мне кто-то сказал, что так бывает, я бы не поверил», – подумал он, открывая новостной сайт. Через пару часов в редакции состоится планерка, надо заявить темы материалов, над которыми предстоит работать. А что такое тема? Реакция на ту или иную новость.

Однако сосредоточиться у Игоря катастрофически не получалось.

Пальцы щелкают по клавишам, а все мысли, как обычно, вертятся вокруг Алеси.

Ужасно, что с женой приходится расставаться на целый день, надо же ходить на работу.

Зато как приятно предвкушать, что вечером можно снова увидеть любимые голубые глаза! Приготовить ужин, рассказать, что произошло в редакции, послушать, как продвигается Алескина работа...

«Надо бы в обед смотаться на Комаровский рынок, купить свежего мяса и овощей, – прикидывал Игорь, уставившись невидящим взглядом в монитор. – Алеся всегда смущается, говорит: «Любимый, опять ты продукты принес! Не мужское это дело, ты бы не отвлекался! Я сама справлюсь со всеми домашними делами!» Однако жена ведь без машины. Она такая хрупкая, куда ей сумки тяжелые таскать! Свою машину я ей отдать не могу, тогда по работе ничего не успею. Вот заработаю Алесе на автомобиль – тогда пускай и ездит на рынок. А пока...»

– Игорь, зайди ко мне! Игорь!

Славин вздрогнул, недоуменно посмотрел на редактора. Худое овальное лицо Василия Петровича, обычно такое приветливое, теперь было мрачным и сосредоточенным. Означать это могло только одно: в публикациях, наверное, была допущена неточность, шеф это выяснил и теперь собирается ввалить так, что мало не покажется.

Закрыв сайт, Игорь вздохнул и под любопытными взглядами девчонок (коллектив редакции – преимущественно барышни, все работают в одной большой комнате, и символические перегородки, поставленные возле каждого компьютера, конечно же, ничуть не мешают видеть и слышать все, что происходит в ньюсруме) потащился в кабинет начальника.

Там уже сидел какой-то молодой мужчина, и тяжесть его стального взгляда говорила о профессии лучше любой визитной карточки. Силовые структуры. МВД, а может, даже и КГБ.

Василий Петрович кивнул на стул:

– Присаживайся, Игорь, познакомься – Олег Надольский, следователь по особо важным делам прокуратуры Несвижа. У него вопросы по твоей статье в последнем номере, про клад Радзивиллов.

Игорь облегченно вздохнул. Слава богу, недавняя аналитика по нефтяным пошлинам пока претензий не вызывает. Вот там действительно использовалась сенсационная информация из конфиденциальных источников. И если бы компетентные органы вознамерились узнать, кто «слил» фактуру, – вот тогда пришлось бы не сладко. А клад – это мелочи, с тем материалом все чисто.

– Что именно вас интересует? – спросил Игорь, краем глаза косясь на полосу, лежавшую на столе главного редактора. Елки-палки, опять он выкосил все резкие высказывания! Вот и делай себе имя в журналистике при таком начальнике, который боится от любого скандала!

– Откуда вы получили информацию? – Следователь прищурился, засканировал изучающим взглядом.

– Мне пришло сообщение из пресс-службы МВД. В нем говорилось, что возле Несвижского замка обнаружена статуя, один из двенадцати золотых апостолов, находившихся в сокровищнице Радзивиллов.

– Каким именно образом поступила данная информация?

Игорь пожал плечами:

– Да как обычно, по электронной почте. У меня во входящих сообщениях сохранилось это письмо. А в чем дело? Информация была неточной?

– Это вас не касается. Пожалуйста, не надо лишних вопросов. А почему вы так уверены, что письмо пришло от пресс-службы МВД?

«Дурак какой-то. – Игорь неприязненно поморщился. – Еще, наверное, и в компьютерах ничего не замечает. Адрес ведь известный, мне всегда с него знакомые ребята сводку пересылают. Вот уж не думал, что в провинции так туго с современными средствами связи!»

– И что же, вы не стали ничего уточнять, перезванивать? – несмотря на все объяснения, продолжал допытываться следователь.

Игорь выразительно посмотрел на мрачного шефа.

Чего он тут молчит в тряпочку? Пусть скажет, что такую информацию, полученную из официальных источников, никто и не должен проверять. Смешно! Может, этот следователь еще посоветует названивать в пресс-службу президента с уточняющими вопросами о том, действительно ли Лукашенко полетел в Венесуэлу? Детский сад какой-то! Вообще-то, этому следователю, прежде чем наезжать, не помешало бы выяснить хотя бы азы работы журналистов. Несложно понять, что там произошло, в этом Несвиже. Наверное, посмотрели как следует на находку и пришли к выводу, что она не представляет никакой исторической ценности. И местное начальство переполошилось, а крайними решило сделать газету и даже выделило для разбирательств своего чербера. Следователь... Неужели уже уголовное дело за клевету успели возбудить? Только этого не хватало!

Начальник тем временем нервно забарабанил пальцами по столу:

– Слушай, Игорь, а ведь я при верстке номера не обратил внимания. А теперь... Думаю, вот что подозрительно. Почему информация о кладе пришла по каналам МВД?

– Потому что...

Игорь Славин собирался уже было выпалить, что при МВД есть специальный отдел, занимающийся историческим наследием. Его сотрудники ищут раритеты, предотвращают вывоз произведений искусства за рубеж.

Но вдруг журналиста как обожгло.

Елки-палки, ведь этот отдел создан при КГБ. При КГБ, а не МВД! Это чекисты иногда передают в музейные фонды редкие иконы или книги. У милиции же специфика работы другая, там ловят маньяков, а не мошенников, желающих заработать на национальном достоянии страны. Только это теперь все так ясно и понятно. Утро, мозг еще худо-бедно, но сообщает. А к вечеру, когда надо сдавать номер, голова уже просто раскалывается. Впрочем, у журналистов на уровне рефлекса быстро формируется какая-то патологическая точность. В памяти хранится столько всяких мелочей: имена-отчества-фамилии, должности, события. Проанализировать этот информационный массив невозможно. Но в нужный момент такая совершенно неосознаваемая память, как правило, срабатывает. Может, так было и в этот раз?

Игорь Славин откинулся на спинку стула и принялся импровизировать:

– Возможно, проводилась совместная операция несколькими ведомствами? Я не знаю всех подробностей. Но у меня в ментовской пресс-службе свой корешок. Мы сотрудничаем много лет, и он ни разу меня не подводил. Да можно просто ему позвонить и все выяснить. Хотите?

Редактор, казалось, не услышал вопроса. Он отвернулся к монитору, пощелкал мышкой, а потом с раздражением буркнул:

– Игорь! Наше издание – единственное, кто передал эту новость. Ее, конечно, растащили по всем агентствам и новостным сайтам, однако ссылки стоят исключительно на нашу газету. Не на пресс-службу МВД! Ты хочешь сказать, что у тебя персональная рассылка? Почему МВД не передало эту сенсационную новость в те же информационные агентства?!

От отчаяния (вот попал!) интенсивность работы мозга возросла.

– Может, в почте были глюки? – удивляясь собственной находчивости, выпалил Игорь. – До меня письмо дошло, а остальным адресатам рассылки не повезло? Я не знаю, в чем дело. Никогда никаких проблем с пресс-службой МВД не возникало!

Шеф покачал головой:

– Звони в контору и разбирайся! Мне это нравится все меньше и меньше.

Отыскивая в телефонной книге мобильного номер Вити Филиповича из пресс-службы, Игорь думал лишь об одном.

Только бы вся эта странная ситуация прояснилась! Иначе шеф не только лишит премии, но и влепит штраф, в редакции за такие неточности принято платить из собственного кармана. А Алеське нужны новые босоножки, и платья весной тоже лишними не будут...

– Не было найдено никакогоклада, – вдруг вздохнул следователь. – Наверное, вашу газету искусно использовали... А я думал, вы гонитесь за сенсацией, ничего не выяснили, все перепутали... Извините, что я так с вами резко говорил. Вы не представляете, что в наших местах творится, все просто на ушах стоят. Возле Несвижского замка произошло жуткое убийство. Похоже, там орудует какой-то маньяк, извращенец! Наверное, такое и для Минска было бы страшным. А уж в нашем городе... Просто шокирует!

Не успев переварить эту новость, Игорь получил еще один удар под дых.

– Как раз собирался тебе звонить. Что ты за фигню про клад Радзивиллов написал со ссылкой на МВД? – раздраженно спросил приятель. – Меня тут уже шеф с утра поимел, спасибо, старик!

Журналист растерянно залепетал:

– Но... письмо пришло от тебя, именно с этой информацией, про клад...

– Как от меня?! Да ты с ума сошел! Я не отправлял тебе ничего подобного!

Игорь, с телефоном у уха, понесся к своему компьютеру, открыл аутлук, уставился на монитор.

И облегченно вздохнул.

Все правильно! Нет никаких оснований для беспокойства. Пусть там приятель разбирается, кто имеет доступ к его почтовому ящику и рассылает информацию, не соответствующую действительности.

Вот, письмо пришло вчера с адреса viktor_filipovich@mail.ru. Это тот адрес, с которого приятель часто присылает информацию. Да, это обычный почтовый сервер, а не официальный эмвэдэшный. Но ребятам часто приходится мотаться по разным частям города, и у них не всегда есть возможность сделать срочную рассылку из своего кабинета. Ноутбук, 3G модем – сегодня уже не надо быть привязанным к кабинету для того, чтобы пользоваться Интернетом. И как раз таки приход письма с почтового сервера совершенно не насторожил: срочная сенсационная информация, успешная операция. Милиция всегда в таких случаях стремится как можно быстрее отрапортовать о своих успехах. Но...

Игорь заморгал, однако от этого ничего не изменилось.

Елки-палки...

Письмо пришло с адреса viktor_filipovich@mail.ru!

Да, именно две буквы «к», сколько на них ни смотри.

– Ничего не понимаю, – прошептал Игорь, морщась от не умолкающих в телефонной трубке чертыханий приятеля. – Хотели подставить газету? Или меня лично? Что, в конце концов, происходит?..

* * *

Ох, лучше бы она не начиналась, весна эта проклятая! Как пошли дожди – все, пиши пропало, с прохудившейся крыши льется, как из ведра. Подставленные под струи миски ситуацию не спасают, все равно в доме мокро, сыро, противно.

«Надо заняться ремонтом, – думал Сергей Бартош, неприязненно прислушиваясь к зарядившей, судя по всему, надолго дождевой капли. – Сколько лет, как бабка померла, прошло? Больше десяти уже. А ведь крыша еще при жизни бабули прохудившаяся была. Эту весну дом точно не переживет, развалится. Но денег на ремонт нет. Того, что я зарабатываю, еле на выпивку хватает...»

Он грустно вздохнул, пошмыгал носом (в такой сырости и заболеть недолго!), покосился на вереницу пустых водочных бутылок, составленных вдоль ржавой батареи. А потом вдруг хлопнул в ладоши.

Кто сказал, что материалы для ремонта крыши надо обязательно покупать?! Их ведь можно просто... ну, скажем так, позаимствовать... непосредственно на рабочем месте...

Серега важно надул щеки, поскреб затылок и принялся обдумывать неожиданную мысль. И чем больше он взвешивал все «за» и «против», тем больше ему нравилось предстоящее дело.

А что, все вроде бы действительно выходит на редкость складно.

Уже третий год идет реконструкция Несвижского замка. Собственно говоря, из-за этой реконструкции и на работу получилось устроиться – понадобились сторожа охранять восстановленный ухоженный парк перед замком, да и саму стройку.

Стройматериалы для ремонта припасены в огромном количестве. Они аккуратно сложены прямо во внутреннем дворе, укрыты пленкой от дождя, а еще огорожены высокими растяжками, на которых нарисованы будущие фасады замка. Часть резиденции Радзивиллов ведь уже доступна для посещения туристов, что приезжим на блоки да кирпич смотреть, лучше закрыть и материалы, и инструмент... В общем, из той кучи легко позаимствовать пару пачек превосходной черепицы. Постепенно, конечно, чтобы не вызывать подозрений. Не пересчитывают же там каждый день материалы, в самом-то деле! Поэтому надо потихоньку наносить к себе черепицы. Но, конечно, свою крышу ею крыть нельзя. Несвиж – городок маленький, в два счета заприметят, что у Сереги Бартоша дом, словно радзивилловский замок, дорожным ярко-красным материалом крыт. Вот на таких мелочах можно проколотся. Можно, но не нужно! Дальше все будет проще простого. Надо выменять черепицу на какое-нибудь покрытие поскромнее, тот же шифер, а лучше и вообще рубероид.

«Наплевать на красоту, главное, чтобы с потолка не капало, – рассуждал мужчина, надевая замызганную брезентовую куртку. Влажная от сырости, она сразу неприятно захладила спину. – А то непорядок выходит: только стопочку нальешь, закусь разложишь – а уже все дождем и попорчено. Надо срочно заняться обустройством крыши. Вот прямо теперь пойду и принесу первую пачечку. А что, не пойман – не вор. К тому же я от необходимости на такое решился. Дом разваливается прямо на глазах, а сколько лет я бы со своей зарплатой на материалы копил? Не один год, и это если не пить, не есть. Не пить совсем – нет, я на такое

не согласен. Двадцать капель как пропустишь – сразу и на душе легче становится, и жизнь кажется вроде уже не такой тяжелой...»

Сонный, умытый Несвиж по-весеннему звенел от птичьих трелей, кошачьего страстного мяуканья да манящего, как звон колокольчика, женского смеха, иногда доносящегося с лавочек у калиток.

Вдыхая полной грудью вкусный ночной воздух, Серега торопился по городку (в основном состоящему из частных одноэтажных домиков и напоминавшему потому большую ухоженную деревню) к туристическому центру, туда, где располагались Фарный костел и замок.

Ночью, конечно, никаких туристов здесь не было. И даже влюбленные, после дождя высыпавшие на прогулку, до этой ярко освещенной площади не добрались, предпочли местечки поукромнее.

Сергей прошел мимо пустых прилавков небольшого базарчика (днем тут вовсю кипит торговля открытками, значками и магнитами с изображениями замка, деревянными, умело раскрашенными аистами и прочей мелочовкой), добрался до забора, огораживающего парк.

Еще пару шагов, чуть дальше – и будет участок, где выломана пара прутьев.

Местные жители об этом лазе все, как один, знают – но смысл им бродить по парку да замок смотреть, если каждый уголок здесь уже давно изучен? Долгие годы в замке располагался санаторий, а сам парк был открыт для всех желающих, даже ограды никакой вокруг него не имелось.

Туристы, наверное, если бы и знали про тайный ход, то все равно бы им не воспользовались. Пройти-то мимо кассы просто, но без экскурсовода куда отправишься? А территория здесь огромная; не зная дороги, можно не один час плутать, пока к тому же замку выйдешь...

Пробравшись в парк, Серега бодро, не таясь, зашагал по аллее.

А кого бояться?

Собак никаких у сторожей не имеется. Пытался один мужик крупную дворнягу прикормить (и по доброте душевной, и в работе польза) – что тут научные сотрудники устроили! «У нас здесь деревья, историческая ценность, им по триста лет, а ваша собака ногу на них задирает!» Гвалт поднялся страшный, дворнягу ту выгнали...

И ребят-сторожей сейчас, конечно, тоже можно не опасаться, по парку они не шастают. Собрались, наверное, в своем вагончике, который за замком установлен. Телевизор смотрят да чай гоняют. Чего покрепче на работе пить давно нельзя. Как вышел декрет президента об официальном запрете этого дела на рабочем месте, так начальство как с цепи сорвалось, увольняет за пьянку без всяких там последних предупреждений.

«А не вкатят ли моим ребятам за пропажу черепицы? – вдруг забеспокоился Серега, вспомнив, что другие сторожа никогда не отказывали в помощи: и дежурствами менялись, и на бутылочку в случае чего одалживали. – Наверное, лучше мне не целую пачку прихватить, а половину. Или даже четверть. Тогда строители точно ничего не заметят. Как говорится, поспешишь...»

Мысли прервались, ноги сами собой вдруг остановились. А потом, когда секундное замешательство прошло, только и оставалось, что инстинктивно метнуться в тень раскидистого дуба, потому что еще мгновение – и пришлось бы здороваться с Витьком, молодым сторожем, собственной персоной вдруг нарисовавшимся в дальнем конце аллеи.

«Вот как ребята работают, обходы совершают. Не то что я, в вагончике на койке растянусь и в телик пялюсь. Хотя странно, конечно, что Витек на дежурство вышел. Смена сегодня не его, Лешкина. Может, поменялся? Молодец мужик, старается, все чин чинарем», – уважительно подумал Бартош, прижимаясь спиной к стволу дерева.

Впрочем, уже скоро было понятно, что никакой работой тут и не пахнет. И что Витек просто имеет самое что ни на есть романтическое свидание на лоне природы.

Рядом с Витьком шла девушка, высокая, тоненькая, в черном то ли платье, то ли плаще. Из-за темной одежды, должно быть, ее и разглядеть было непросто.

В полумраке вид незнакомки сначала испугал до дрожи в коленях. Сразу вспомнились все легенды о призраке Черной дамы, которая по ночам бродит по Несвижскому замку... Однако Витек, похоже, игриво шлепнул «призрака» по попке, девушка довольно хихикнула, ущипнула сторожа за бок.

«Счастливые, – пронеслось в голове безо всякой зависти, даже с некоторым умилением и радостью. – А что, Витек – нормальный мужик, он вообще без водки легко может даже несколько дней подряд продержаться. Дай ему Бог, как говорится. Так, значит, теперь мне по главной аллее идти нельзя. Наткнусь на Витю с его дамой, а мне оно надо? Пойду вкруговую, так дольше, но лучше потерять пару минут, чем «засветиться» на стройке не в свое дежурство. И, кстати, в свое дежурство лучше черепицу не набирать, чтобы комар носа не подточил, и...»

Бартош улыбнулся. В ночи раздался короткий вскрик. Похоже, ребята уже закончили свой променад, прилегли на молодую травку, и Витек уже всюду щупает своего «призрака»...

А с черепицей потом прошло все как по маслу.

Как раз лежала половина пачки, прямо как будто бы ждала – непосредственно сверху, едва только была приподнята довольно шуршащая, как выяснилось, пленка.

Схватив материалы, сложенные в плотный пакет (оказалось, очень удобно в нем тащить именно половину от расфасованной изначально черепицы), Серега мигом отступил в тень. И, минуя чуть освещенные аллеи, быстро побежал вдоль забора к выходу.

До участка с выломанными прутьями оставалось всего несколько десятков метров, когда вдруг появившаяся из-за облака луна осветила какой-то мерцающий вытянутый предмет, лежащий прямо на дороге.

Бартош, изумляясь все больше и больше, замедлил шаг.

Чудеса в этом замке творятся; чудеса, да и только!

Рассказать кому – не поверят!

Но вот же, вот, прямо на тропинке лежит дивная золотая статуя, укутанная в золотую же накидку. Причем на ткани явно выделяется россыпь разноцветных, чуть мерцающих красным, желтым и зеленым камней. Руки статуи молитвенно сложены, спокойное лицо с закрытыми, тоже как при молитве, глазами кажется спокойным и умиротворенным.

«Апостолы? Те самые радзивилловские апостолы, которых все местные ребятишки искали годами, да так и не нашли? Выходит, что так... Золотые статуи в человеческий рост, украшенные драгоценными камнями, все правильно старики рассказывали. Но только почему статуя одна, их вроде было двенадцать? И почему она лежит прямо на тропинке? Но все-таки какая же красота, фигура как живая просто! Умели раньше делать, ничего не скажешь», – восхищался Бартош, присаживаясь на корточки.

Он аккуратно опустил тяжелый целлофановый пакет с черепицей на землю, протянул руку к накидке, намереваясь отковырять крупный светлый камень (по виду бриллиант, наверное, жутко дорогой, тут не только на крышу хватит – на новый дом).

И вдруг заорал как сумасшедший, подскочил, бросился к выходу...

На «статуе» были надеты новехонькие пижонские ботинки Витька. Сразу они казались неприметными, просто сливались с землей. Но вблизи... и Витины же брюки, торчащие из-под золотого полотнища... Потом стало понятно, что и лицо у «статуи» – Витькино. Только не веселое и ухмыляющееся, как обычно. А спокойное, грустное, застывшее. Потому что мертвое. И сам весь Витька – мертвый.

Мертвый и золотой...

Выбравшись за пределы парка, Серега перевел дыхание и замедлил шаг.

В раскалывающейся голове (протрезвел, что ли, с перепуга?) вдруг стали проноситься какие-то обрывки разговоров.

Кто-то уже, кажется, рассказывал недавно о том, что удалось найти такого вот «апостола»?

Или это пригрезилось? И сам Витька, мертвый и золотой, тоже вдруг спяну померещился?..

— Надо идти в милицию, — вздохнул Серега, неохотно сворачивая в переулок. — Хоть и вынут мне там всю душу вопросами, а придется. Черепица моя валяется возле трупа, но в том, что хотел ее снести, я не признаюсь. А вот про Витька все-таки рассказать надо. А то вдруг он еще не совсем мертвый и ему можно помочь?..

Глава 3

Варшава, 1803 год

– Доминик, я хочу еще шампанского! Ты слышишь, угости девушку шампанским!

Доминик попытался поднять руку, подзывая официанта. Однако ладонь, бессильно лежавшая на столе, где уже выстроился целый ряд опустошенных бутылок и грязных тарелок, едва шевельнулась.

– Уршуля, ты сама закажи, ладно? – простонал Радзивилл, стараясь особо не вглядываться в раскрасневшееся от вина лицо полненькой проститутки с льняными выющимися волосами.

А чего на эту девушку смотреть-то? Можно подумать, она чем-либо отличается от той, что была вчера, или от той, что будет завтра...

Как же противно и пошло все это, как скучно и омерзительно!

Ресторация при публичном доме вся обтянута ярчайшим красным бархатом, им обиты и стены, и диваны у столиков. Музыканты в измятых фраках фальшивят, что на скрипке, что на рояле. Ну и главное огорчение: состоящие здесь девушки глупы и вульгарны, у них одна забота – напиться шампанским допьяна, чтобы потом уже ничего не чувствовать, ни поцелуев, ни ласк, должно быть, весьма для них ненавистных. Золота за любовь девушек совершенно не жаль; все равно ведь девать его некуда, хоть направо швыряй, хоть налево. Будь воля опекуна – он бы, конечно, содержанием так не баловал. Да только казна радзивилловская настолько огромна, что даже тех денег, причитающихся по завещанию, которые не может не высылать князь Михаил, довольно на все, какие только имеются в Варшаве, развлечения. Так что денег на публичный дом, конечно, совершенно не жаль. Хотя никакой радости от любви здешних девушек не случается; так, забытье, хмельное развлечение. Та же охота куда больше интереса вызывает. Но здесь у шляхты принято пить, кутить, вальсировать на балах, волочиться за жеманными знатными паненками, ходить к продажным женщинам.

«Как же хорошо мне было в Несвиже с Франтишкой, – думал Доминик, стараясь не морщиться от неприятного хмельного дыхания сидящей на коленях Уршули. – Она меня старше была на пару лет, и прислали ее, чтобы научила она меня наукам любовным. Да только скоро казалось уже мне, что это я ее учу. Как нежно смотрела на меня моя учительница, как целовала жарко! Стоило только коснуться груди ее, Франтишка начинала часто дышать, срывала платье, обнимала крепко... Я стал привыкать к ней, уже не мог без нее обходиться. Едва только уходила она, как я начинал ждать вечера, когда отворялась высокая тяжелая дверь в мой покой и появлялась та девушка, красивая, страстная, влюбленная... Славные были денечки! Конечно же, как узнал опекун про частые наши свидания, выдал Франтишку быстро замуж, в отдаленную деревню. Но не только из-за учительницы моей любимой съехал я из Несвижа...»

– Доминик, ты какой-то мрачный! Что случилось? Если эти девушки тебе не милы, можно еще куда-нибудь направиться! Не в Варшаве нашей прекрасной предаваться печали. Здесь есть все для того, чтобы развлекаться, веселиться и ни в чем себе не отказывать!

– Как это мы не милы! Да красивее нас во всей столице не сыскать!

Магда, худенькая смуглая брюнетка, которую всегда выбирал племянник польского короля Юзеф Понятовский, с притворным возмущением надула полные губки. Однако Юзеф, совершенно не заботясь обидами паненки, деловито спихнул ее с колен, вопросительно посмотрел на Доминика:

– Что тебя тревожит, друг мой любезный?

Радзивилл выглянул из-за обтянутого черным кружевным корсетом тела Уршули и благодарно улыбнулся другу пьяной улыбкой:

– Девушки тут ни при чем, Юзеф. Сам знаешь ведь, сколько уже про это говорено. Болит душа за родную землю, что под Российской империей находится. Губерния уж сколько лет, а ведь была держава, независимая, сильная! Была, да вся вышла, Россия теперь всем управляет.

– Доминик, все может перемениться! Все может перемениться самым решительным образом! Надо только хранить веру в светлую судьбу своего Отечества! – горячо зашептал Юзеф, наливая шампанского в два узких высоких бокала-флета. – Давай же выпьем, любезный друг, за то, чтобы цвела родная наша сторона!

– Давай! – Радзивилл послушно сделал глоток. Хотя хотелось ему сказать Юзефу, что можно упиться шампанским допьяна, а ничего от этого не переменится. Последним не допустить в родной край хитрых русичей пытался пан Коханку. В детстве казалось: дядька – брехун, пьяница, балагур, охочий до девушек. А потом уже, конечно, стало понятно: главным в этом Радзивилле являлось совсем другое, и как можно так заблуждаться насчет истинного лица его! Что эти его шумные забавы, так, пустое, неважное. Пан Коханку был патриотом, страстным, яростным, отчаянным, и боролся за свою землю, как мог: сражениями, заговорами, интригами, любыми способами и средствами. На беду, не вышло ничего из всех его проектов, и смелых, и коварных; разорили русские войска литовские и польские земли. А все почему? Да каждая знатная фамилия свои интересы пыталась блюсти. Не воевать надо было Радзивиллам с Чарторийскими и Сапегами, а всем вместе собраться и русским, пруссакам да австриякам противостоять! Не поняли, не смогли тогда. Поэтому теперь у всех шляхтичей знатных родов только одно занятие – напиваться вином допьяна. Что Чарторийские погреба опустошают, что Радзивиллы, и Огинские, и Потоцкие. А как не пить? На трезвую голову ведь поклоняться российскому трону совсем мучительно!

Доминик хотел сказать все это, только сил ворочать языком у него не было. К тому же Юзеф слышал подобные мучительные и болезненные рассуждения уже неоднократно, и никаких новостей в них для него не содержалось. Племянник польского короля думал точно так же, хотел того же – и тоже аналогично не имел никакой возможности что-либо изменить.

«Как смешно вспоминать мне теперь те детские клятвы, которые давал я в сокровищнице золотым апостолам, – думал Доминик, с трудом поднимаясь за Уршулей по лестнице. Там, наверху, были устроены комнаты, в которых проститутки уединялись с гостями своими. – Как я был наивен! Мне казалось, надо быть достойным своего рода, своей земли. Я хотел стать таким, я готов был на все ради родного края. Да только земля моя мне уже не родная, выходит? Не понимаю, как это: все наши замки, наши поля, уголья для охоты, все-все теперь под российской короной. То есть нет, понимать я это понимаю. Но согласиться с этим никогда не смогу. И сделать тут ничего невозможно, и...»

Поцелуи и ласки Уршули прервали мысли Доминика. Он расшнуровал черный кружевной корсет, с удовольствием положил ладони на полные груди с темными крупными сосками, потом легонько толкнул проститутку на кровать. Уршуля сладостно застонала, и в пьяном угаре Доминику даже казалось, что он слышит настоящие, не притворные вскрики страсти и целует не равнодушные губы пьяной проститутки, а нежный розовый ротик Франтишки...

Франтишка прекрасна. Гибкая, тоненькая, с длинными льняными волосами. Когда первый раз пришла она в покой, сладкий взрыв вдруг случился после первого же ее обжигающего поцелуя, и стало так стыдно и досадно. Франтишка же все равно продолжала свои ласки, и силы скоро вернулись, а потом...

– Вот ты где! Конечно, где же тебе еще быть?!

Доминик с трудом открывает глаза. Нежное личико Франтишки исчезает вместе с остатками сна, потом тают высокие своды покоя в Несвижском замке и даже приснившийся аромат свежескошенной травы, который сквозняки все гоняли по длинным полутемным коридорам. Потом случается все сразу: жуткая похмельная головная боль, мучительно красные обои в комнате проститутки, перекошенное от ярости, ненавистное лицо князя Михаила, его визгливый голос.

– Конечно, в публичном доме! И опять пьян! А что это за платье?! Что это за пошлейшее платье, я тебя спрашиваю? – Князь Михаил схватил жокейскую куртку, между прочим, дорогую, тончайшего английского сукна, и помахал ею, словно какой-нибудь тряпкой. – Как ты себя ведешь? Как ты одет? Раньше конюшие почитали за честь в праздничный день надеть такое платье, как у господ! А теперь господин одевается, как конюший, и ему не стыдно!

– Послушай, я уже достаточно вырос для того, чтобы самостоятельно выбирать себе одежду. По душе тебе платье, как у екатерининского вельможи, вот и носи его на здоровье. А я уж сам разберусь, во что облачаться. Нравятся мне моды французские и английские, – простонал Доминик, поднимаясь на постели.

Князь Михаил швырнул ему брюки и куртку:

– Держи! Одевайся! И побыстрее!

– Побыстрее? – Доминик, с трудом облачаясь, бросил на опекуна взгляд, полный ненависти. – У тебя ко мне дело спешное имеется? Зачем приехал?

– Увидишь, – нехорошо усмехнулся князь Михаил, потирая сизый от уже приметной щетины подбородок. – Обещаю, ты будешь очень доволен. Очень!

Какое-то тревожное предчувствие мелькнуло у Доминика.

Мелькнуло – и сразу же исчезло. Когда так мутит, думать о причинах неожиданного приезда опекуна никак не получается...

В душной карете, покачивающейся по мощеным узким улочкам Варшавы, стало Доминику и вовсе худо.

Казалось ему, что выпитое шампанское вот-вот выльется наружу. Все мысли были об одном: скорее бы опустошить желудок. Однако карета остановилась у красивого высокого костела – и от пьяной тошноты в таком месте, конечно, следовало воздержаться.

– Пойдем. – Опекун схватил едва держащегося на ногах Доминика за локоть. – Уже скоро...

Радзивилл послушно вошел в костел, опустил пальцы в чашу со святой водой, преклонил колени, перекрестился... и вдруг заприметил, что у алтаря находится ксендз в праздничном золотистом облачении, а еще девушка в длинном белом платье.

«На свадьбу притащил, – подумал Доминик, с неудовольствием морщась. Головная боль только усилилась, и каждый шаг к алтарю, неподалеку от которого стояли также разряженные гости, давался с неимоверным трудом. – Интересно, кто женится? Впрочем, какая разница кто – я надеюсь только, что после венчания мне удастся быстро удрать, потому что иначе меня стошнит прямо здесь. Я вообще удивляюсь, что у меня до сих пор выходит сдержаться, не иначе как святые стены помогают...»

– Доминик Героним Радзивилл, согласен ли ты взять в жены Изабеллу Мнишек? – вдруг громогласно поинтересовался ксендз.

– Что? Я? В жены? В какие еще жены?!

Ксендз, как будто бы не слыша никаких вопросов, невозмутимо продолжил:

– Изабелла Мнишек, согласна ли ты взять в мужа Доминика Геронима Радзивилла?

– Согласна, – быстро пробормотала девушка.

Доминик прищурился, с ужасом вглядываясь в черты, едва различимые под вуалью.

Девушка? Да никакая эта Изабелла не девушка, ей лет тридцать, не меньше. Ой, да, теперь вот совсем точно вспомнилось: Изабелла Мнишек, графиня, вдова...

– Объявляю вас мужем и женой, – радостно провозгласил ксендз.

Доминик отшатнулся от его руки, осеняющей крестом, с ненавистью уставился на князя Михаила:

– Что ты надумал? Женить меня? Без моей воли? Я первый раз вижу эту женщину! Как ты мог?! Как можно вот так, не по-людски!

Опекун пожал плечами:

– Не ты первый, не ты последний. Изабелла – мудрая женщина. С ней ты будешь счастлив. И уж твой дружок Понятовский больше не сможет с утра до ночи таскать тебя по публичным домам да по театрам и ресторациям! Я тебя предупреждал: не попадай под его влияние, он тебя дурному научит. Меня ты не послушал. Может, жену послушаешь...

Доминик скрипнул зубами.

Кажется, так и схватил бы сейчас опекуна за горло.

Скотина гнуснейшая! Это же надо было такое гадство придумать!

Только вот придется сдержаться, остудить свой пыл. Пока с опекуном расправиться никак нельзя. До совершеннолетия остался еще год, и князь Михаил имеет право принимать все решения – женить, карать, миловать.

До восемнадцатилетия целый год.

Но он пройдет.

И вот тогда... тогда опекун сам женится на этой потасканной вдове, сожрет вуальку, которой она прикрывает постаревшее лицо, а еще князь Михаил... Еще... еще...

Растерявшийся, расстроенный, утомленный, Доминик так и не смог в тот день придумать достойные страшные кары для коварного опекуна.

Но в одном он был точно уверен: князь Михаил весьма пожалеет об устроенном «сюрпризе» и заплатит за него высокую цену...

* * *

«Никогда не совершайте никаких действий в состоянии мучительной душевной боли. Если вы недавно приняли решение расстаться с любимым человеком (хотя больше всего на свете в настоящий момент вам хочется только одного – поцеловать его губы), то просто утомонитесь и не дергайтесь. Теперь у вас есть только одно занятие – думать о целительном эффекте времени, залечивать пробитые несчастливой любовью дырки в сердце. А еще ждать, что придет тот день, без горького привкуса потери, наполненный предвкушением счастья. Правда, поймите: что бы вы в таком «растрепанном» состоянии ни предпринимали в плане активных действий – фигня выйдет полная. Поверьте моему опыту. Например, у меня никогда не получалось в расстроенных чувствах найти нового достойного партнера. Наверное, это объяснимо. Девушки, как правило, существа увлекающиеся и не особо отягощенные мыслительными процессами. А уж когда на душе кошки скребут, тут вообще хватаешь первое, что под руку подвернется, и ни о чем не думаешь. А первым под руку обычно подворачивается что? Ерунда, на которую никто до тебя не позарился. И вот из огня попадаешь в полымя, один неудачный роман сменяется вторым, изначально имеющим высокие шансы оказаться аналогично неудачным. Нет! Делайте со мной что хотите, а я уверена: любовь надо начинать искать со спокойным сердцем и в состоянии полной душевной гармонии. А если этой самой гармонии пока нету, то... То лучше работать над ее достижением и не дергаться! Я лично, например, с раненым сердцем даже организовать свою работу не могу, все мои журналистские навыки объявили забастовку! Знаете, люди, очень давно я не делала таких глупостей...»

Ли́ка Вронская перечитала пост, предназначенный для отправки в «Живой журнал», и грустно усмехнулась.

Это же надо было вляпаться в такую историю! Сорваться, поехать неизвестно куда, ничего предварительно не выяснить...

Муки любовной горячки, сердечная паранойя.

Хотелось отвлечься, покончить с этой болью раз и навсегда.

А ведь от себя не убежишь.

И вот это тоже правда: поспешишь – людей насмешишь.

В общем, все вернулось на круги своя: тоска по Павлу, любовь, надежда, отчаяние. Только теперь ко всем этим сомнительным радостям прибавился поезд. Стучат колеса, покачивается вагон. Через несколько часов будет Минск. Но смысла и пользы в этом, кажется, не будет никаких...

Пальцы Ли́ки вновь забегали по клавиатуре.

«Я приняла стратегически правильное решение расстаться с любимым мужчиной, потом полезла в Интернет, рассчитывая выбрать тур в какую-нибудь экзотическую страну. Но меня зацепила одна заметка. О том, что недалеко от Минска, в старинном городе Несвиже, обнаружен клад из сокровищницы Радзивиллов – один из золотых апостолов. Чем больше я изучала этот вопрос, тем сильнее изумлялась. Оказывается, Радзивиллы – это старинный княжеский род, обладавший несметными богатствами и политическим влиянием. Лучшим украшением сокровищницы князей считались двенадцать апостолов – золотые и серебряные статуи, инкрустированные драгоценными камнями. Редкие свидетели, которым их доводилось видеть, в своих мемуарах отмечали: золотые скульптуры казались живыми, так искусно они были выполнены. Стоимость этих шедевров эквивалентна, как отмечали историки, найму и содержанию двух огромных армий. Долгие годы радзивилловские реликвии считались утраченными. Но вот я нашла заметку, где утверждалось: один из апостолов обнаружен возле Несвижского замка... Ноги и язык у меня всегда боролись за независимость от мозгов. Причем, что характерно, всегда легко побеждали в этой борьбе. И вот я срываюсь и бегу, покупаю билет, потом мчусь домой собрать сумку, затем лечу к родителям – отвезти легкие вещи для Дарины и пакет корма для собаки, опять битва с пробками. Наконец я сажусь в поезд. Радуюсь, что в купе, кроме меня, никого. Впрочем, мне пришлось брать СВ, я же не планировала эту поездку, и более дешевых купейных билетов не оказалось. Выпив стакан чаю (ничего не меняется, те же металлические, обжигающие пальцы подстаканники, тот же чай с привкусом веника), я начинаю скучать, вытаскиваю ноутбук, залезаю в Интернет; скорость соединения отвратительная, но в час по чайной ложке сайты все же открываются, а мне торопиться некуда. И вот он, облом под стук колес! Уже оказывается, что ничего суперценного в Несвиже найдено не было!!! Над журналистом, готовившим ту заметку, похоже, просто кто-то прикололся. На том самом сайте, где размещалась информация о кладе, теперь находится опровержение! Автор заметки жалостливо пишет: извините, дорогие читатели, что я ввел вас в заблуждение; но я невиноватый, меня самого неправильно информировали какие-то гадкие злоумышленники... Информировали его, видите ли, неправильно! А я через пару часов уже буду в Минске! И чем я там займусь с учетом последних печальных новостей – это большой вопрос. В общем, знаете, люди, я в очередной раз убедилась: любовная трагедия – это как грипп. Если уж вляпался, то сиди тихо дома, не строй из себя героя, целее будешь. Чудес не бывает, назавтра поправиться от серьезной болячки нельзя. Залечивание душевных ран тоже требует времени. А все попытки о них быстренько забыть могут закончиться, как в моем случае, совершенно напрасным перемещением в пространстве!»

Отправив пост, Ли́ка проконтролировала, чтобы заметка разместилась правильно (все-таки интернет-соединение в мчащемся поезде – не самое надежное), затем закрыла ноутбук

и мрачно уставилась в окно. За ним, окутанные утренним туманом, проносились аккуратные деревеньки и поля. Иногда поезд проезжал мимо небольших городков, можно было даже рассмотреть хмурых сосредоточенных жителей, торопящихся на работу.

Эта простая, безыскусная, понятная и предсказуемая жизнь внезапно показалась Вронской такой желанной.

Господи, сколько можно, как перекасти-поле, мотаться по свету? Браться за множество проектов, успешно, увлеченно и вроде бы с удовольствием их реализовывать, но потом понимать, что ни количество переделанных дел, ни заработанные деньги не приносят счастья и душевного покоя?... Единственный свет в окошке – это ребенок. Однако доченька не только радуется, за нее прежде всего тревожно. И хочется сделать Даринку счастливой, создать нормальную семью, дать ребенку не просто всю свою любовь, но и избавить ее от чувства неполноценности, возникающего у всех, кто воспитывается без отца.

Планы, мечты... Пока они не имеют к реальной жизни никакого отношения...

– Скоро туалеты закрываем, – буркнула заглянувшая в купе проводница. – Через пятнадцать минут прибытие.

Лица с облегчением вздохнула.

Все, приехала. Поздно себя ругать за неосмотрительность. Не стоит жевать сопли, констатируя собственные промахи. Скоро случится встреча с новым городом, и надо, наверное, хотя бы по нему побродить. Не садиться же сразу на поезд в обратном направлении! Так что теперь предстоит осмотр достопримечательностей, если уж так вышло, что больше совершенно никаких дел здесь нет...

Когда поезд, истошно лязгая, стал сбавлять ход, а потом и остановился, у Вронской невольно вырвалось:

– Боже, что это?!

Состав затормозил у броского современного здания, архитектурная конструкция которого напоминала Совет Европы или крупную нефтяную компанию: причудливая футуристическая форма, огромные сверкающие окна, угадывающиеся за ними бутики и ресторанчики.

– А это наш вокзал, – гордо провозгласила стоявшая рядом в прокуренном тамбуре женщина.

Потом она достала мобильный телефон и заговорила так неприлично громко, что у Вронской уши чуть не свернулись в трубочку. «Культура разговора по сотовому у аборигенов оставляет желать лучшего», – мысленно прокомментировала Лица, морщась от разрывающих барабанные перепонки подробностей чужой жизни.

Но, к счастью, проводница уже опустила лесенку, позволяющую выбраться на перрон. И Лица, так и не успев определиться, нравятся ли ей местные жители и похожая на инопланетный корабль вокзальная архитектура, подхватила сумку и пулей вылетела из вагона.

Чуть не убившись на скользком мраморе (внутри здание вокзала оказалось таким же помпезным, как и снаружи), Лица первым делом добралась до газетного киоска, попросила карту города, и...

«Клада Радзивиллов не существует? Кто подставил «Белорусское обозрение» и Министерство внутренних дел?»

Привлеченная броским заголовком, Лица, как зомби, вытащила газету прямо с прилавка киоска и, уже не слыша возмущенных комментариев продавца, погрузилась в чтение.

И чем больше она вчитывалась в дорогие газетные строчки, тем отчетливее понимала: все-таки, видимо, какая-то находка в Несвиже была сделана. Просто по непонятным причинам власти решили это не афишировать. Но журналистам сегодня рот так просто не заткнешь, в Беларуси уже явно поднялась информационная волна. Коллеги пытаются что-то раскопать. Вот приведен комментарий сотрудника пресс-службы МВД, некоего Виктора Филиповича, в котором указано: от его имени кто-то прислал непроверенную информацию.

Вот еще сообщение от анонимного источника из редакции «Белорусского обозрения». Оказывается, газету навещал следователь, он разговаривал с главным редактором, а потом пригласил к себе Игоря Славина, того самого репортера, написавшего про клад...

– Все это не просто так, – пробормотала Вронская и, осознав, что из-за ее ступора возле киоска уже собралась толпа, потянувшись за портмоне.

– У вас же деньги российские! – возмутилась продавщица. – Девушка, вы бы в пункт обмена валюты сначала подошли!

В состоянии частичного сомнамбулизма (одна половина мозга пытается понять, где здесь обменник или банкомат, вторая анализирует новые сведения) Лика все-таки поменяла деньги, скупил все местные газеты, приобрела сим-карту белорусского оператора сотовой связи и пакет интернет-трафика. А к окончанию всех этих хлопот поняла: надо ехать в Несвиж.

Этот небольшой городок находится всего в ста пятидесяти километрах от Минска. Провинция, все друг про друга знают мельчайшие подробности... Там просто намного быстрее получится все выяснить! Конечно, можно остаться в Минске, попытаться поговорить с журналистами. Но они еще могут просто не успеть разнюхать все подробности. А вот какая-нибудь несвижская бабушка уже явно обо всем прекрасно информирована. И ей не терпится обсудить последние новости!

Автобусы и маршрутные такси в Несвиж, как выяснилось, отправлялись в двух шагах от железнодорожного вокзала.

Оказавшись на улице, Вронская прищурилась (конечно, зачем помнить весной о солнечных очках?! Надо думать только о дырке в сердце, а обо всем остальном забыть, а потом мучиться!) и с любопытством завертела головой по сторонам.

Впереди высятся средней помпезности «сталинки», слева суетятся таксисты, справа зазвенел трамвай.

Но при всех этих обычных проявлениях городской вокзальной жизни Минск вдруг показался Лике... каким-то пластиковым, ненастоящим, искусственным.

Почему?

Она еще раз огляделась и нашла ответ на этот вопрос.

Столица Беларуси на первый взгляд выглядела стерильной, как операционная. Сияющие окна домов, отмытые машины, чистейшие тротуары, аккуратные, словно бы причесанные, газончики, клумбы, усаженные цветами...

«Наверное, это прекрасно, когда живущие в мегаполисе люди умеют не оставлять никаких следов своей жизнедеятельности, – думала Лика, с улыбкой копаясь в сумке. – Но все-таки выглядит это слегка странно. Может, с непривычки?»

Наконец она извлекла из сумки полировочную губку для обуви, провела ею по чуть запылившимся лакированным ботинкам. И, придя к выводу, что теперь ее внешний вид полностью гармонирует с окружающей чистотой, отправилась разыскивать автовокзал...

* * *

После съезда с Брестской трассы комфортабельный «Мерседес» сразу же сильно затрясло, и Дмитрий Шимов с досадой поморщился.

Путь до Несвижа состоит из двух частей – приятной и не очень. Лететь по Брестскому шоссе с официально разрешенной скоростью сто двадцать километров в час – одно удовольствие. Но теперь, после поворота... Узкая, местами разбитая дорога петляет из одной деревеньки в другую. Поэтому ехать эти последние пятьдесят километров приходится вдвое дольше, чем предыдущую сотку. Буквально через каждые пару метров попадаются ямки и ухабы. Конечно, в роскошной тяжелой иномарке минусы дороги ощущаются минимально.

Но настроение все равно портится, невольно думается о том, что исправные амортизаторы и сайлентблоки – все это до поры до времени...

– Туристическая Мекка, резиденция Радзивиллов. Смешно! Ни дороги приличной, ни дорожной инфраструктуры. Привезешь сюда иностранного туриста, захочет он в сортир – а предложить для этих целей нечего, кроме дремучего белорусского лесочка, – негромко ругался Дмитрий, стараясь не превышать скорость. Все-таки населенный пункт, вдруг выскочит велосипедист или пешеход... – А ведь, казалось бы, что может быть проще – упростить регистрацию для частных. И они тут сразу все кафешками застроят. Причем, что меня больше всего изумляет, уже десять лет говорится о необходимости развития придорожного сервиса. Совещания регулярно проводятся. Только ничего не меняется вообще! Нет, все-таки как ни крути, а в нашей стране к бизнесу относятся спустя рукава. Вспоминают, только если денег надо стянуть!

Дмитрий закусил губу и осуждающе покачал головой.

Вот буквально вчера секретарша принесла очередное письмо от структур исполнительной власти. Нет, в нем, конечно, прямо ничего не требовалось! Просто предлагалось оказать финансовую помощь городу в связи с предстоящим празднованием 65-летия Победы. А если предприниматели после такой корреспонденции не проявляют должной сообразительности, к ним на фирму или предприятие вдруг приходит внеочередная проверка. Победить в борьбе с государственным рэкетом (вроде бы направленном на благое дело, но не меняющим от этого своей насильственной сущности) невозможно. Очень быстро приходит понимание: все равно придется отстегивать то на Ледовый дворец, то на благоустройство Минска, якобы осуществляющееся за бюджетные деньги. Вопрос только в том, после какой суммы штрафных санкций смиришься...

«Зато теперь у меня по крайней мере появилась индульгенция, бонус на все государственные поборы. – Дмитрий резко нажал на тормоз. По обочине, шатаясь, брел явно пьяный мужик в телогрейке, и куда его может понести в следующий момент – неизвестно, поэтому лучше притормозить. – Я финансирую реконструкцию Несвижского замка, деньги сюда идут колоссальные. Поэтому мне лично никто проверками мозг не парит. Впрочем, в этом вынужденном меценатстве имеется множество других плюсов. Все-таки приятно, что именно у меня давно появилась такая возможность – восстанавливать культуру. Я не только полностью обеспечил себя и близких, я могу помогать другим. Это приятно. Я вижу результат, пользу для людей. Хотя, конечно, мне бы хотелось, чтобы все это ценилось в значительно большей степени. Я ожидал другого отношения...»

По Несвижу Дмитрий Шимов уже мог бы перемещаться с закрытыми глазами. Работы по реконструкции Несвижского замка длятся больше трех лет, приезжать сюда приходится часто, как говорится, нет контроля – нет результата. Так что пришлось изучить здесь каждый переулок. К тому же было бы что изучать – городок небольшой, улицы полупустые. Хотя туристических автобусов в последние годы стало больше. Так приятно видеть детские светящиеся любопытством мордашки, просматривающиеся за большими стеклами. Часть замка уже открыта для осмотра туристами. Если бы только беззаботные любители истории знали, сколько труда потребовалось для того, чтобы провести ремонт и представить даже эту небольшую экспозицию! Долгие годы в замке размещался санаторий, и казалось, запах лекарств никогда не исчезнет из старинных покоев. Оригинальных предметов быта, которыми в действительности пользовались Радзивиллы, почти не сохранилось. Поэтому пришлось выкупать просто вещи того периода у коллекционеров или договариваться с музеями о передаче экспонатов на депозит...¹⁸

¹⁸ Временное экспонирование при сохранении права собственности.

Стоянка перед гостиницей – скучным зданием советских времен – была почти полностью свободной.

Дмитрий припарковал «Мерседес» по соседству со стареньким «Пежо» с желтыми номерами минского такси, вышел из машины, обернулся на ратушу.

Старинная, красивая, с мелодично звонящими колоколами, она на секунду создает впечатление, будто находишься в настоящем средневековом городе. Кажется, даже можно услышать цокот лошадиных копыт, увидеть разряженных шляхтичей, прогуливающихся по мощенной булыжником площади. Но потом взгляд натывается на растяжку, призывающую граждан прийти на выборы в местные советы, – и древний морок исчезает...

В гостинице у стойки регистрации, заслоняя администратора, стояла девушка, невысокая, худенькая, светловолосая.

Дмитрий приблизился, блондинка обернулась на звук шагов, появилась возможность рассмотреть ее огромные зеленые глаза, красиво очерченные скулы, вздернутый носик.

Рассмотреть и расстроиться.

Красивая, даже какая-то запредельно красивая ангельская внешность, но... девушка слишком хорошо, хотя и неброско, одета. У нее умный взгляд, волевое лицо.

Быстрого секса с такой не случится, отношения «всезнающий щедрый папик – глупая корыстная доча» для таких девушек неприемлемы. А другие... слишком долго, хлопотно, непредсказуемо. Соответствовать умной серьезной женщине – это напрягает. После напряженного бизнеса хочется одного – быстро расслабиться. К тому же такие умненькие девочки как-то незаметно могут вонзиться в сердце мучительной занозой. А выковыривать ее – удовольствие ниже среднего, плавали – знаем. Нет, хватит наступать на те же грабли. И так по работе проблем хватает! Тем более должность дежурной дамы сердца в настоящий момент занята глупым прелестным белокурый созданием. А когда Машкины прелести набивают оскомину, можно просто снять проститутку...

– Так вы россиянка? Тогда цена номера другая, – заявила администратор и, оторвав взгляд от паспорта блондинки, заулыбалась: – Ой, Дмитрий Александрович, здравствуйте вам!

Девушка, демонстративно закатывая глаза к потолку, возмущенно поинтересовалась:

– Что за отношение к братскому народу? Мы вам газ, между прочим, по минимальной цене поставляем.

– Так номер ненамного дороже россиянам. Вот для жителей дальнего зарубежья разница в несколько раз выше, – оправдывалась администратор, отчаянно стреляя подведенными глазами.

«А эта местная дамочка – правильная. – Дмитрий прищурился, изучая обтянутую форменным платьем полную грудь. – С ней все было бы просто. Но я столько не выпью. Все-таки должно быть в девушке что-то еще, кроме готовности быстро прыгнуть в койку. К тому же все эти местные сплетни... Нет, не стоит и связываться...»

Как исчезла россиянка, Дмитрий не заметил. В гостинице появился приятель, следовательно Олег Надольский. И по его унылому лицу сразу стало понятно: новости у него, как и всегда в последнее время, неважные.

– Ну вот, опять ты в гостинице. Зачем тебе тратиться, остановился бы у меня, – загундосил Олег, пожимая протянутую руку.

Дмитрий молчал и старательно посылал знакомому мысленное внушение: отвали.

Невероятный кайф – вырваться из такого же, как Несвиж, провинциального городка. Вырваться насовсем, с корнями – родители уже несколько лет живут в отличном коттедже под Минском. Но, наверное, правду говорят: от себя не убежишь. Как ни стараешься забыть, словно кошмарный сон, эти тесные квартиры с соседями-алкашами, провинциальное панибратство, сплетни – все равно ничего не получается. Как от чумы, хочется бежать от того же

Олега. Да, пришлось познакомиться с ним, с его начальником, со всеми местными чиновниками. Для города регулярная большая помощь и частые приезды крупного бизнесмена – событие. Но, к сожалению, отсутствие понтов и сдержанную вежливость здесь просто не понимают, истолковывают превратно. Тут катастрофически не умеют держать дистанцию! И все местные мало-мальски знакомые жители искренне считают любого приезжего, которого им представили, самым дорогим гостем, настоящим другом. Вот тот же Олег, проходил мимо гостиницы, увидел тачку – и непосредственно так, по-свойски, зашел покалякать. Ему невдомек, что у собеседника нет никакого настроения слушать его жалобы на жизнь. И тем более ночевать в чужой неудобной, тесной квартире... Ну не хочется вспоминать «прелести» прежнего быта. Гостиница здесь убитая, совковая, с ржавой ванной, в которую ляжешь разве что под страхом смертной казни. Но по крайней мере в гостинице есть шанс не слушать монолог Олега или других гостеприимных жителей всю ночь напролет...

– А у нас тут такое творится! Сроду в наших местах такого не было. – Надольский покачал головой, набрал в легкие побольше воздуха, явно собираясь, безо всяких уточняющих вопросов, поведать, какое «такое» творится в Несвиже.

Но вдруг с его лицом произошли разительные перемены. Добродушный, кажущийся искренним и бесхитростным парень в секунду стал выглядеть как холодный, беспристрастный сыщик, в сузившихся глазах которого не отражается никаких эмоций. Однако, несмотря на холодную непроницаемость взгляда, все-таки было понятно, что в эти секунды Надольский, как мощный компьютер, обрабатывает какие-то многовариантные комбинации. Он стал напоминать гончую, замершую в ожидании зверя и готовую вот-вот пуститься в погоню.

Удивленный произошедшими метаморфозами (однако Надольский не так прост, что ли, как кажется?), Дмитрий обернулся, инстинктивно почувствовав, что взгляд следователя направлен в холл, расположенный левее стойки регистрации.

Обернулся – и тоже невольно задумался.

Холл, как, впрочем, и все в этой гостинице, был ужасным. Потертые, когда-то щеголявшие красной обивкой кресла; хлипкий журнальный столик, еще явно советских времен, с лакированной крышкой; унылый фикус в пластиковой зеленой урне, сбрасывающий пожелтевшие пыльные листья.

Тем большим казался контраст с внешностью мужчины, вглядывающегося в висящую на стене холла карту Великого княжества Литовского. Высокий, красивый изысканной киношной красотой, со вкусом и броско одетый... Да, он производил впечатление. Напоминающий иностранного аристократа-миллионера, он невольно вызывал один вопрос: что вообще такому человеку могло понадобиться в Несвиже? Ведь он не похож на туриста – слишком непрактично одет. Это не бизнесмен – с такой прической, длинными темными волосами, хорошо производить впечатление на женщин, а не проводить переговоры. Он оживлен, беззаботен, приветлив какой-то не белорусской, чуть отстраненной приветливостью...

– Что-то я никак не могу понять, где находится Несвижский замок? – пробормотал незнакомец, как ни странно, по-русски.

Он оглянулся по сторонам, приветственно взмахнул рукой:

– Здравствуйте! Вы мне не можете? Что-то я смотрю на эту карту и никак не могу разобраться, где здесь наша гостиница и Несвижский замок.

– Несвижский замок здесь есть. А гостиницы нет. – Дмитрий подошел ближе, попал в облачко дорогого ненавязчивого парфюма. – Это карта Великого княжества Литовского. Слышали про такое государство?

Мужчина едва заметно пожал плечами:

– Не очень. Вообще-то я начинающий турист. Вот появилось время, и решил махнуть из Минска в Несвиж. Мирский замок¹⁹ все-таки подальше будет.

¹⁹ Еще одна резиденция Радзивиллов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.